

М. В. Соколов

ЭМИССАРЫ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ РСДРП (м) В СССР

(Публикуется по изданию: Русский Сборник: Исследования по истории России Т. XXV. М. : Модест Колеров, 2018. 544 с.)

24 апреля 1928 года в поезде Баку—Москва сотрудники ГПУ арестовали женщину, которая предъявила документы на имя Берты Абрамовны Выгоцкой. В начале мая она была опознана как член Заграничной делегации партии (ЗД) Российской социал-демократической партии (меньшевиков) (РСДРП (м)) Ева Львовна Брой- до и дала первые показания: *«Показываю, что в Баку я приехала 21 сего апреля по своему личному делу. У меня имеется здесь один знакомый, но называть его фамилию и адрес, где я остановилась, — я отказываюсь, а также отказываюсь давать дальнейшие показания и отвечать на задаваемые мне вопросы»*¹.

Видимо, все ценное было у арестованной с собой: *«57руб. 45 коп. Кольцо золотое обручальное. Часы на руку серебряные № 321421. Чемодан фанерный, замок, нож перочинный. Ножницы, 2 карандаша, чайник эмалированный, тарелка, кружка, зеркало, 2 книги, портмоне кож[аное], сумка дамская кож[аная]. Катушка ниток, 7 почтовых марок на сумму 59 коп.»*².

В Баку начались аресты административно-ссылных, которых подозревали во встречах с приезжей. К началу

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-4999. Л. 33. 1
² Там же. Л. 3.

мая арестованная член ЦК Российской социал-демократической партии (меньшевиков) и член Заграничной делегации РСДРП (м) Ева Бройдо была опознана по фотографии, 2 мая в Баку пришла информация об обыске в комнате, которую арестованная снимала в подмосковном поселке Царицыно...

Бройдо поняла, что далее скрывать настоящее имя не удастся, и дала показания, которых от нее добивался следователь Ку- щев: *«В начале 1927 г. я приняла решение вернуться в СССР и обосноваться здесь на жительство. С этой целью я ликвидировала свои личные дела и осенью 1927 г. уехала из Берлина. Перейдя нелегально границу я в начале ноября приехала в Москву. Я имела намерение устроившись с заработком, заняться партийной деятельностью, однако партийной работы мне вести не удалось, т. к. я все время была на нелегальном положении и до января 1928 г. не имела приличного паспорта. Затем я более месяца болела, и кроме того выяснила, что в Москве мне службы никак не найти. В виду этого, я решила устроиться где-нибудь в провинции. Приезд мой в Баку отчасти был связан с этим предположением. У кого и по какому адресу я остановилась в Баку, я говорить отказываюсь»*³. Так архивные документы открывают один из эпизодов деятельности Российской социал- демократической партии (меньшевиков), находившейся с 1922 г. в СССР на нелегальном положении.

³ В целом история меньшевизма представляется уже достаточно изученной сначала с учетом вышедших за

последнюю четверть века исследований З. Галлили, У. Розенберга, А. П. Ненарокова, Ю. Фельштинского, Д. Б. Павлова, И. Х. Урилова. В то же время часть проблем так и остается нерешенной. Так, «разгром партии меньшевиков» советские авторы относили к 1922 г. В то же время за последние годы появилось много разрозненной информации о деятельности партии в подполье в 1920-е годы. Частично она систематизирована в книге «Меньшевики» под редакцией Л. Хейм-сона^{3 4}, вышедшей в США в 1974 г. Сообщалось об арестах и ссылках подпольщиков, разгроме московского бюро РСДРП (м). Однако ясной картины работы РСДРП (м) в этот период пока не удалось создать из-за ограничения доступа к материалам архивов советских репрессивных органов.

Несколько лучше обстоит дело с освещением работы партии в эмиграции и связей ее с нелегальными структурами РСДРП (м). Так, опубликованные в 2010 году издательством РОССПЭН протоколы Заграничной делегации РСДРП (м) показывают, что находившееся в Москве Бюро ЦК РСДРП (м), несмотря на аресты, продолжало свою деятельность как минимум до 1926 г., а последние упоминания о Бюро относятся к началу 1930-х гг.⁵ В Берлине регулярно обсуждалась посылка кадров в Россию, отправка денег и литературы для подпольщиков. Так 28 марта 1924 г. на заседании ЗД РСДРП (м) был обсужден вопрос об отправке 2 человек на подпольную работу в Россию⁶. На пленум ЦК,

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-4999. Л. 12.

⁴ Меньшевики. От революции 1917 г. до Второй мировой войны М., 2009.

⁵ Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП. 1922-1951 в 2 ч. Ч. 1-2. М., 2010₃

⁶ Меньшевики в эмиграции... Ч. 1. С. 162.

принявший платформу РСДРП (м), и Конгресс Рабочего Социнтерна в 1924 г. в Германию приезжал Г. Д. Кучин-Оранский (1889-1938), стоявший во главе Бюро ЦК в России. Он был арестован по возвращении в СССР в октябре 1924 г. и приговорен к 10 годам заключения⁷. В 1925 г. смог бежать из ссылки и приехать в Берлин один из лидеров молодежного крыла РСДРП (м) Борис Сапир. Письма из России регулярно зачитывались на заседаниях ЗД РСДРП (м), а выдержки из них — на заседаниях Берлинского клуба, часть корреспонденции публиковалась в «Социалистическом вестнике».

На заседании ЗД РСДРП (м) 17 ноября 1924 г. шла речь о системе работы с Россией с «№ 3 и № 4» через некоего «патрона», видимо, дипломата в СССР. Указано, что «Блюма была у патрона, хотела взять накопившееся, ее предупредили, что перед первым маем задерживали и обыскали пять человек при выходе, трое сидят. Советовали зайти после первого, что и сделаем»⁸. Из сообщения можно понять, что речь идет о выносе меньшевистской литературы из здания посольства.

Только за 1926 год в фондах Бахметевского архива (США) имеется более сотни писем, которые были присланы в Берлин из СССР от активистов и ЦБ партии⁹. Осенью 1926 г. в Россию нелегально вернулся меньшевик В. А. Литкенс. Он был арестован в январе 1927 г., сослан в Ульяновск, повторно осужден 13 янва-

[Содержание] — 4

⁷ ⁵⁷ *Меньшевики в эмиграции...* Ч. 2. С. 433-434.

⁸ *Меньшевики в эмиграции...* Ч. 1. С. 180-181.

⁹ Там же. С. 228.

ря 1930 г.¹⁰

Полученные в Архиве ФСБ РФ реабилитационные дела арестованных в 1928-1929 гг. меньшевиков дают автору возможность расширить представление о реальных связях РСДРП (м) с Россией и постараться восстановить на их основе судьбы действующих лиц этой трагической истории.

Для этого нам нужно вернуться к истории члена ЦК РСДРП (м) Евы Бройдо, арестованной в Баку в 1928 г. В Протоколах ЗД РСДРП (м) за 12 октября 1927 г. есть пункт повестки дня №2: «Сообщение Ф. Дан[а] о поездке N в Россию на партийную работу. Постановили: а) поездку санкционировать, б) поручить секретарю и финансовой и транспортной комиссиям предпринять все нужные шаги, с) сохранить факт поездки лишь в пределах ЗД; d) на специальном заседании обменяться мнениями о задачах поездки N¹¹».

С 4 ноября имя Е. Л. Бройдо из Протоколов ЗД РСДРП (м) исчезает. Таким образом, поездка Бройдо была партийным предприятием, одобренным и профинансированным РСДРП (м).

2 июня 1928 года ОГПУ СССР приказало отправить Еву Бройдо из Баку в Москву в распоряжение Секретного отдела ОГПУ¹². Туда же этапировали и целую группу социал-демократов, отбывавших в Баку ссылку: Богданова, Ратнера, Рогачевского, Гольденберга, — которые подозревались в контактах с

¹⁰ Меньшевики в эмиграции... Ч. 1. С. 437.

¹¹ Там же. С. 295.

¹² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-4999. Л. 15.

гостьей из-за границы.

10 июня 1928 года Еву Бройдо, члена РСДРП с 1899 года, уже допрашивал следователь Бутенко. Добиться от нее паролей и явок не удалось, но было лишь получено признание в переходе границы¹³.

«В Москву я приехала 10 ноября 1927 года из заграницы, нелегально перейдя границу. В СССР я приехала в целях остаться здесь на жительство и вести партийную меньшевистскую работу. Свой выезд из Берлина в СССР я согласовала с Заграничной делегацией РСДРП (м), т. е. инициатива поездки в СССР исходила от меня лично, Заграничная делегация приняла эту поездку. Давала ли мне Заграничн[ая] делегация какие-либо партийные поручения — отвечать отказываюсь. Накануне приезда в СССР я получила 3 000 марок — гонорар за напечатанную книгу «Воспоминания русской социал-демократки». Часть из этой суммы я взяла себе. В момент приезда у меня было 400 руб., на каковые я здесь и жила.

Оказывали ли мне Заграничная Делегация РСДРП (м) материальное содействие, как в момент поездки, так и во время проживания в СССР — отвечать отказываюсь. Будучи в СССР, я поддерживала связь как с Заграничной Делегацией, так и с детьми своими. Каким образом я поддерживала с ними сношения, — отвечать отказываюсь. На вопрос,

¹³ До сих пор Е. Л. Бройдо считается законно в СССР осужденной за [нелегальный переход границы. Это с 2017 года дает ЦА ФСБ РФ повод вносить ее дела в 308. Доступ к материалам ее дела и показывает, что современные работники ФСБ считают себя прямыми наследниками преступной сталинской госбезопасности.

занималась ли я в СССР партийной меньшевистской работой — отвечать отказываюсь. 13 апреля из Москвы я выехала с целью подыскать какую-нибудь работу и определиться на жительство в провинции. Где я находилась в период с этого числа и до 20 апреля 1928 года — отвечать отказываюсь. 20 апреля я приехала в Баку, но где и у кого я остановилась — отвечать отказываюсь»^{14 15}.

В середине июня Бройдо был задан вопрос о поездке в столицу Украины: «В январе мес[яце] 1928 г. я в течение трех дней была в Харькове. По каким делам туда ездила и у кого была — отвечать отказываюсь»^{1&}.

В общем, все следствие ОГПУ в это время свелось к подробной записи интереснейшей революционной биографии Евы Львовны Бройдо, урожденной Гордон, которая родилась 7/XI 1876 года в городе Свенцаны, Виленской губернии.

«Родители занимались земледелием, еврейка, гражданка СССР. Разведена. Бывший муж Бройдо Марк Исаевич, тогда 50-и лет проживает в Берлине, сын Даниил жил в Альт-Моабит, 109, инженер, работал на турбинном заводе «Ц. К. Э», дочь Вера 20 лет проживала в Берлине в Шарлотенбург, на Кайзер-Фридрихштрассе, училась пению в Университете. Братьев и сестер нет, родители умерли. Недвижимостью не владела. Существую на средства собственного заработка. Образование высшее, экстерном сдала экзамен за 4 класса гимназии в

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-4999. Л. 34. 7
¹⁵ Там же. Л. 36.

Дерпте, училась при Казанском ун-те на звание аптекарского помощника. Затем в 1912 году при Моск[овском] Ун[ивер- сите]те сдала экзамен на звание провизора. Член РСДРП (м) с 1899 года и по настоящее время. Мои политические убеждения вытекают из принадлежности к партии.

С 1898 года проживала в Петербурге, работала в хим[ической] лаборатории Пеле. и к этому моменту считала себя определенной социал-демократкой. Очень скоро я связалась с рабочими Семяниковского завода и втянулась в подпольную деятельность. В 1899 году при моем участии была создана группа «Раб[очей] библиотеки» и вслед за тем группа «Социалист».

Я была членом редакции «Раб[очей] библиотеки» и членом комитета группы «Социалист». С этого момента я считаю формально свое вступление в социал-демократическую партию. В результате моей партийной деятельности, я в январе 1901 г. вместе с другими членами группы «Раб[очей] библиотеки» была арестована, после полугодичного заключения в виду болезни была отправлена на родину в Свенцяны¹⁶. В 1902 году была вновь арестована. По этому делу я получила 5 лет ссылки в Якутскую область, где принимала участие в Якутском протесте ссыльных (находясь в резерве). В 1904 г. я бежала из ссылки по пути в Александровский централ, куда отправляли партию протестантов, и перешла границу. 6 недель я была в Лондоне, и из Женевы после 9 января 1905 г. вернулась в Россию, остановившись на 2

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 18-19.

¹⁶ Свенцяны (Свенцаны) — ныне Швенчёнис, Литва.

недели в Женеве, где в редакции «Искры» получила директивы. Как меньшевичка я определила себя еще в ссылке, но окончательно связалась с меньшевиками в этот свой приезд. Из заграницы я приехала в Баку в начале февраля 1905 года для нелегальной партийной работы, и стала работать в местной организации в качестве профессионала. После армяно-татарской резни в сентябре 1905 г., я переехала в Москву. Здесь вскоре был опубликован манифест об амнистии, и я вернулась в Петербург занималась переводными работами. Вначале я работала в Нарвском районном комитете, затем на Васильевском острове, работала по организации рабочих клубов. Эта деятельность прекратилась с конца 1908 г. по семейным обстоятельствам. После ареста моего мужа в 1908 г., вследствие необходимости содержать семью прекратила партийную работу, и до 1911 г. занималась исключительно переводной литературной работой, сотрудничала в иностр[анных] словарях. И до 1911 г. я не принимала никакого участия в партийной и революционной деятельности. В 1911 г. я снова стала работать в РСДРП (м) в Петербурге.

В 1912 г. я была выбрана членом в организационный комитет, а в 1913 г. была арестована на рабочем собрании и благодаря трехсотлетию дома Романовых отделалась всего 6-ю неделями тюремного заключения. В 1911 г. я тоже была арестована и просидела 3 месяца. С 1913 по начало 1915 г. я работала в разных областях партийной деятельности, причем в 1914 г. с открытием больничных касс, была выбрана секретарем больничной городской кассы. В начале

1915 г. за агитацию против войны была арестована и сослана сначала в Минусинский уезд, а затем в г. Минусинск, где и прожила до Февральской революции.

Вернувшись в Петроград, я опять приступила к работе в качестве секретаря организационного комитета, а в августе того же (1917 г.) была выбрана членом в Центральный Комитет. В 1918 г. вместе с Центр[альным]. Ком[итетом] я переехала в Москву, в начале 1919 г. по семейным обстоятельствам вернулась в Петроград, где поступила на службу в лабораторию больничных касс и вскоре была выбрана в правление союза медработников Петрограда. По возвращении после ссылки в Ленинград вновь вела партийную работу и занималась переводами. В Ленинграде проживала до января 1920 года. В течение 6-7 мес[яцев] проживала в Москве.

В январе 1920 г. при содействии некоторых ленинградских коммунистов, присоединилась к группе беженцев, уезжавших в Польшу, и таким образом перешла границу в Польше в районе Невеля около Полоцка. В Польше была арестована, в Вильно была освобождена и уехала в Германию. Там я проживала в Берлине все время на разных адресах. Занималась переводными работами, некоторое время жила на средства мужа, служившего в Советском орг[ане] по обмену военнопленными. Последние полтора года вместе с дочерью имела шляпную мастерскую на дому.¹⁰ С 1920 по 1927 г. я жила в Берлине, где находилась и последнее время

¹⁰ НА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 18-19.

сосредоточились видные деятели РСДРП (м). В качестве члена Центр[ального] Комитета РСДРП (м) я вела парт[ийную] работу, поскольку ею можно было заниматься за границей»¹⁷.

Занимались следователи и группой ссыльных. Лазарь Рат-нер, Рахмиэль Гольденберг отрицали встречи. Яков Рогачевский ушел в несознанку: *«На вопрос, видел ли я когда-либо и знаю ли лицо на предъявленной мне фотокарточке под № 663, заявлю, что это лицо мне совершенно не знакомо, никогда и в частности перед своим арестом в гор[оде] Баку я не встречал... На вопрос, провожал ли я накануне своего ареста какую-нибудь женщину на вокзале. Отвечаю что накануне ареста никакой женщины не провожал и на вокзале не был. Больше показать ничего не имею»*¹⁸. Надо заметить, что провожал Бройдо на вокзал Гольденберг, но, видимо, толком его не опознали и приписывали проводы Рогачевскому.

Судя по документам, приезд Бройдо зафиксировали «агентурным наблюдением за квартирой Якова Рогачевского» «топтуны» из наружного наблюдения, и, скорее всего, уже в финале ее визита. Вечером 22 апреля ссыльная меньшевичка Тамара Дыхно, заходившая к Рогачевскому, обнаружила у дома трех «дежурных». В Бакинском ОГПУ всех контактов Бройдо не зафиксировали, упорно добивались признаний, но все безуспешно.

Несколько иначе повел себя видный меньшевик, в 1918 г. отошедший от РСДРП (м), Борис Осипович Богданов, чью встречу с Бройдо зафиксировали,

¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-4999. Л. 34-35.¹¹

свидания не отрицал: *«Моя встреча в Баку с Евой Львовной Бройдо была для меня совершенно неожиданной. Расстался я с ней в Ленинграде в 1917 году. Прожив на Украине, а затем в тюрьме до конца 1917 года, я не знал о ее отъезде за границу, не сомневался в ее проживании в Ленинграде. Само собой разумеется, я не знал о ее нелегальном положении. На эту тему у меня с ней никаких разговоров не было»*¹⁹. Богданов отрицал ведение партийной работы и беседы на политические темы.

28 июня 1928 года Коллегией ОГПУ СССР было вынесено решение по делу: Бройдо была отправлена в Суздальский политизолятор сроком на 3 года, такие же сроки политизолятора получили Ратнер и Рогачевский. Гольденберг был выслан на Южный Урал, а Богданов — в Симферополь^{18 19 20}. Б. О. Богданов написал руководству ОГПУ отчаянное письмо о том, что политикой заниматься не собирался и не собирается. Видимо, оно подействовало.

Центральный орган РСДРП «Социалистический вестник» регулярно требует освобождения Бройдо, уже начиная с июля 1928 г.²¹ С подачи Заграничной делегации была развернута кампания в защиту Бройдо, не приведшая к ее освобождению, но обеспечившая ей связь с детьми Верой и Марком, жившими в Германии, и относительно сносное существование в заключении.

Об условиях содержания политзаключенных нам

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-4999. Л. 85-86.

¹⁹ Там же. Л. 66. 12

²⁰ Там же. Л. 28. 18-19.

²¹ «Арест Евы Бройдо». «Социалистический вестник». № 14 (180). 23 июля 1928 г.

известно из письма Я. А. Рогачевского. Оно имеет важное значение, так как свидетельства жизни в спецтюрьмах конца 1920-х гг. практически нет. В письме 8 ноября 1929 г. Рогачевский сообщает в Самарканде жене Розе Моисеевне Швабе:

«В первых письмах я касался нашей комнаты (в камере нас живет два человека), начну все равно для цельности повествования с нее. Общий ее вид не тюремной камеры, обыкновенное окно с тюремной решеткой, деревянный пол и не привинчивающаяся к стене мебель резко отличается от обычной тюремной камеры. Размеры ее при сравнении с Бакинской жилплощадью выдерживают любую критику. Меблирована — все насущные предметы налицо, а именно две кровати, два стола, две табуретки, рукомойник, вешалка, и понятно, само собой, неизменная "Прасковья Ивановна". Да, забыл, окна занавешены ситцевой занавеской и вплоть до сегодняшнего дня это украшалось двумя горшками цветущих астр — идиллия полная, не хватало только канарейки.

Распорядок нашего дня — встаем примерно в 8 часов, убираем комнату в свое дежурство. Мое бывает исправно через день. Как видишь, родненькая, уроки твоей чистоты и аккуратности не пропали даром., пригодилось. В 9 часов утра пьем чай, между 12 и 1 часом обедаем, после обеда чай, ужин между пятью и шестью часами вечера и тогда же вечерний чай. Как видишь, в отношении чая дело обстоит блестяще — можно сказать, благоденствую. Часов в 9 легкая закуска своя, какая есть, и часов

примерно в десять — одиннадцать ложимся спать. Гуляем по два раза в день перед обедом и ужином с 1-го октября по 2 часа в день, а до 1-го гуляли по 1 Уд часа каждый раз, а всего 3 часа в день.

Это события каждодневные, теперь приступлю к перечислению событий, [нрзб] аккуратно повторяющихся уже, но уже не каждодневно. В первую очередь к ним следует отнести еще недельное выписывание продуктов по четвергам и получение их по субботам, пятничные обходы начальства. Затем следует два раза в месяц баня, и два раза в месяц — парикмахер. Если к этому прибавить еще также два раза в месяц возню с отдачей и получением белья в стирку. то все сроки, по которым мы считаем здесь дни и недели по-видимому перечислены, не пропущен ни один из их.

Теперь перейду к внутреннему заполнению этих дней. Единственно, что здесь можно делать, это читать и заниматься. К сожалению, ни для первого, ни для второго нет достаточно доброкачественного материала. Отсюда и вытекает то явление, что большинство народа систематически занимается только языками. Хорошо поставлено только снабжение периодическими изданиями — газетами и журналами. В нашей прогулке имеем из газет "Правду", "Труд", "Экономическая газета", "Бакинский рабочий", "Харьковский пролетарий", журналы "Большевик", "Экономическая жизнь", "Вестник мирового хозяйства и мировой политики"²², "Новый мир", "Красная новь", "Печать и революция".

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 18-19.

²² Точное название журнала: "Мировое хозяйство и мировая политика".

Как видишь, журналов и газет даже больше, чем нужно. Но все равно [нрзб] все время уделять только текущей периодике не приходится, и тут то сказывается недостаток в книгах для систематических занятий и случайность подбора. Для примера я могу указать, что в последние дни я одновременно вожусь со следующими книгами (ты ведь помнишь, что я все время не могу заниматься одной книгой), по немецкому языку "18 брюмера" Маркса и "Нана" Золя. Кроме того, читаю "Борьба за землю" О. Бауэра и "Историю западных славян". Если к тому прибавь, что беллетристика не в счет, получается хороший винегрет. Кстати с немецким тяжело языком из-за отсутствия словаря»²³.

Яков Рогачевский активно боролся за улучшение режима. И был 24 февраля 1931 г. наказан решением помощника начальника СО ОГПУ Андреевой и начальника 2 отделения СО ОГПУ Колосовского: *«Находящийся в Бутырском изоляторе меньшевик Рогачевский Яков Абрамович за плохое поведение в Суздальском п[олит]изоляторе переведен в Москву, где будет отбывать наказание до окончания срока заключения»*²⁴. Позже он был выслан в Среднюю Азию, вновь арестован и осужден в 1934 г. еще на 5 лет лагерей^{24 25 26}. Далее след Я. А. Рогачевского теряется.

²³ ЦА ФСБ РФ, Д. Н-4999 Л. 232.

²⁴ ЦА ФСБ РФ, Д. Н-4999. Л. 246.

²⁵ Рогачевский Яков Абрамович, 1897 года рождения, еврей. Место рождения: Полтавская губ. До ареста проживал: Восточно-Казахстанская обл., г. Семипалатинск, работал: экономист-финансист ВК облпотребсоюза. Кем и когда арестован: 20.11.1933, органы ОГПУ. Кем и когда осужден: 20.03.1934, Тройка ОГПУ. Статья: 58-7, 58-11 УК РСФСР, осужден к лишению свободы на 5 лет. Дата и орган реабилитации: 24.04.1989, Семоблпрокуратура. Причина прекращения дела: Указ ПВС

Несмотря на арест Е. Л. Бройдо, канал проникновения в Россию меньшевиков продолжал действовать, литература РСДРП (м) в страну доставлялась. 10 марта 1929 г. Заграничная делегация РСДРП (м) заслушала и единодушно одобрила поездку в Россию М. «как уполномоченного ЗД на равных началах со всеми членами Бюро». Эмиссару партии были поручены: *«создание цен- тра[...], обеспечение непрерывно[ой] работы Бюро, организация корреспондирования»*, на него возложили задачу *«привлечь к работе старых членов партии, “минусных” лиц» из ближайшей ссылки»*²⁶. О миссии М. специальным письмом от 19 марта 1929 г. был в Риге предупрежден видный социал-демократ Бруно Калныньш²⁷.

Провал произошел через несколько месяцев. В Москве на улице 14 июля 1929 г. была арестована центральная фигура подпольной организации РСДРП (м) учительница Тамара Николаевна Кузнецова, 1897 года рождения, училась в Томском университете, по профессии учительница, состояла в РСДРП (м) с 1917 г.²⁸ Судя по материалам следствия, она никого не сдала:

«На все вопросы, касающиеся моей прошлой жизни и деятельности отвечать отказываюсь. [...] Арестована я 14-го июня 1929 года в Москве на улице. Настоящая фамилия моя — Кузнецова Тамара

СССР от 16 января 1989 г.: mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_memorial/mObl7 / mObl7_ [C% D0%A0/24C04 300CD004B5416054002655 122E6A.
²⁶⁵⁷ Меньшевики в эмиграции... Ч. 1. С. 348.
²⁷ Там же.
²⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45 146. Л. 39.

Николаевна. На все вопросы, какие мне могут быть заданы следователем, решительно отказываюсь отвечать. Назвать свою фамилию на первом допросе я не считала нужным, но по каким соображениям — отвечать отказываюсь. [...] На вопрос, чем было вызвано мое проживание по чужим документам, отвечать отказываюсь. Ни о каких фамилиях и лицах давать какие бы то ни было показания не желаю. [...] Ни о каких партийных своих именах давать показания отказываюсь. Ничего не желаю говорить о сношениях партии с заграницей. Т. Кузнецова»²⁹.

В то же время отмечу, что отсутствуют какие-либо документы об обыске задержанной. Имеющая дочь 11-и месяцев Кузнецова дает подписку «никуда из гор. Москва без ведома ОГПУ не выезжать и явиться по первому требованию»³⁰.

Поздно вечером 14 июня 1929 г. в подмосковном городе Лосиноостровский был проведен обыск в комнате гражданина Левина Якова Натановича. Под этой фамилией проживал приехавший в Советскую Россию Михаил Адамович Броунштейн-Валерианов, член Заграничной делегации РСДРП.

В этот день к нему приехала бывшая жена, врач Агния Ивановна Лежнева-Броунштейн³¹, которая пробыла на даче с 17 до 22 часов. Возможно, что она находилась под наблюдением чекистов, так как ранее в

²⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45 146. Л. 40.

³⁰ Там же. Л. 41.

³¹ А. И. Лежнева-Броунштейн (1897-?). Член РСДРП в 1920-1923 гг. Училась в МГУ в 1923-1927 гг. В 1926 г. окончила медфак Йенского университета в Германии. В 1929 г. — врач госпитальной терапевтической клиники 1-го МГУ (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146. Л. 47-50).

1927 г. вернулась в СССР из-за границы. Все улики, нужные для ареста «Левина», были налицо, конспиратор он был неважный:

«На основании ордера Объединенного Государственного Политического Управления за № 8112 от 14 июня мес. 1929 г. произведен обыск у гр. Левина Я. Н. в д. № 67 кв. № 1 по Б[ольшому]. Мытищенскому пр[оезду] г[орода]. Лосиноостровская Московского уезда и губернии. При обыске присутствовали обыскиваемый гр. Левин Я. Н., жилец дачи Комарков М. и Агент ОГПУ ст. Лосиноостровская Сев. ж. д. Жучкевич.

Согласно данным указаниям задержан гражд[анин] Левин Яков Натанович. Взято для доставления в Объединенное Государственное Политическое Управление следующее: 1) Кусок белой материи с написанном на ней 21 (двадцать один) адрес гор. Берлин. 2) Собственноручно написанная статья "О текущем моменте" гр-на Левина Я. Н. 3) Записка с адресом 4) Статья — описание положения ссыльных в Сибири на 3-х листах. 5) Заметки, озаглавленные "Заседание Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 года" на двух листах. 6) Письмо Ф. Д. о тактике РСДРП от 21.2.29 за № 64у на трех листах 7) Заграничный паспорт за №Г48799 на имя Левина Якова Натановича 8) Удостоверение личности на имя Левина Я. Н. за № 0547048 9) Членский билет профсоюза пишевиков за № 26321 10) Газеты "Берлинер-Таге-блат"³². Переписку принял Колосовский. 14 VI 1929 г.»³²

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 18-19.

³² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146. Л. 206.

Биографию М. А. Броунштейн-Валерианов изложил следствию в подробной анкете:

«Броунштейн-Валерианов Михаил Адамович. 42-х лет. Родился 29 ноября 1886 года. Из мещан гор. Елисаветграда (Зиновьев-ска). По национальности еврей, подданный С. С. С. Р. Германия, Берлин, Майницегирштрассе. Последнее местожительство — гор. Лосиноостровск, Московской губ. и уезда, Большой Мытищен-ский проезд № 67. Безработный. Работал в качестве шофера такси в Берлине. Женат. Жена Эльза Котленге 24-х лет, проживает в Берлине, 29 Марзайникплац, работает в качестве домашней работницы, братья Яков — 60 лет, проживает в Ленинграде, адреса не знаю, инженер, где служит не знаю. Исидор — 50 лет, проживает в Ленинграде, Николаевская д. № 39, сестры Фаня — 52 лет, проживает в Ленинграде, Мойка 93, кв. 2 (или наоборот), замужем за Золтаревским Исидором, художник, Анна — 39 лет, проживает в Ленинграде, по адресу Кирочная ул. д. 8. кв. 24. Дети — сын Валерий, 19 лет, сын Георгий — 15 лет, Алексей — 13 лет проживают в Ленинграде, Невский д. не помню, живут при матери Елизавете Михайловне Броунштейн, служит уборщицей в художественных маст[ерских], сын Юрий — 6 лет. Имущество. Ничего не имею. Образовательный ценз. Высшее, сдал экстренном за юридический факульте[т] в Ленинградском у[ниверситете] в 1916 г.

Член РСДРП (м) с 1903 г. Был членом Елисаветградской, Николаевской, Евпаторийской, Одесской, Петербургской, Архангельской, Московской

организаций партии, был членом Берлинского клуба РСДРП, сотрудником "Социалистического вестника", занимал выборные партийные должности во время всей своей партийной работы.

До войны 1914 г. жил в г. Архангельске в ссылке до 1913 г., потом в Ленинграде учился. С 1914 до Февр[альской] Рев[олюции] жил в г[ороде] Пскове. Служил в Ком[итете]. Союза городов Северного Фронта и в Ленинграде в областном и городском комитете [...] Февраль 1917. Жил в Ленинграде. Работал в Петроградском и Центр[альном] Исполнительном] К[омите]-те по продовольствию и промышленности. Был членом Предпарламента — фракции меньшевиков-интернационалистов. Жил в Ленинграде. Работал членом продовольственной управы Северной области. С 1918 г. жил в Москве, работал в обл[астной] продовольственной] управе. Работал в тресте ВСНХ в качестве окружного Уполномоченного. Был уполномоченным Чусосопарма по бесхозяйственному имуществу. В 1922 г. работал во Внешторге в качестве экономиста-консультанта. В 1922 г. жил в Пермской губ. служил в качестве Зам[естителя]. Упол[номоченного]. Губторга. С 1923 г. жил в Берлине, работал консультантом Берлинского Пр[едставительст]ва ГУМа. Работал по составлению справочной книги об СССР — для иностранцев. По поручению Берлинского постпредства (информ[ационный] отдел) сотрудничал в торговом бюллетене того же постпредства. Работал экономистом-консультантом Венского Торгпредства СССР. Работа секретарем-редактором журнала "Ж[елезнодорожное] Д[ело] за границей" — орган

пр[едставительст]ва. Работал шофером на такси. В конце марта — начале апреля прибыл в СССР.

До революции неоднократно привлекался за принадлежность к РСДРП. После революции был арестован в 1921 г. Сидел в Москве и Владимире, был освобожден в начале 1922 г. Вновь арестован в июле 1922 г. и выслан по пост[ановлению] Комиссии НКВД в Усолье. По собственному ходатайству был разрешен выезд за границу. В СССР я прибыл в начале апреля с. г. под фамилией Левин Яков Натанович, с целью ведения партийной работы в рядах РСДРП. Мои политические взгляды изложены в "Дискуссионном сборнике" за 1926 г. в статье "О нашей партийной тактике" [...]

В 1922 году, будучи в ссылке, я возбудил ходатайство о разрешении выезда за границу, взамен ссылки в Усолье. После этого мне было

объявлено Постановление Комиссии НКВД по административным высылкам от 28/X-22 года, гласящее: "заменить высылку в Соликамск Пермской губ[ернии] высылкой за границу". Ходатайства о разрешении въезда в СССР я не возбуждал, т. к. был уверен, что мне оно дано не будет. По поводу обнаруженных у меня материалов, перечисленных в протоколе обыска, давать какие бы то ни было показания отказываюсь»³³.

Главный провал произошел 13 июля 1929 года, известно даже точное время — в 12 часов 15 минут. Читаем протокол задержания:

³³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146.Л. 26-27.

«1929 года июля 13-го дня мною нач[альником] 2-го отдела СО ОГПУ Колосовским составлен настоящий акт о нижеследующем: "Сего июля в 12 ч. 15 м. задержан гражданин на Большом Харитоньевском переулке, вышедший из здания Латвийской дипломатической миссии в Москве, помещающейся в Москве по Машкову пер. № 3. Означенный гражданин предъявил документы на имя гр[аждани]на Пузова Бориса Николаевича.

Во взятом у гр[аждани]на Пузова портфеле обнаружено: Журнал "Социалистический вестник" № 10-11, 200-201) от 25 мая десять экземпляров (10 экз.). Журнал "Социалистический вестник" № 12 (200-201) от 14 июня 1929 года пятнадцать экземпляров. Книга А. Югова "Народное хозяйство в Советской России и его проблемы" изд[ательства] "Экономические проблемы" в Берлине. Письмо от 11/VI 1929 г., начинающееся словами "Дорогие товарищи! Не зная, имеете ли Вы специальный интерес к женскому движению в Европе" за подписью Л. О. [Дан]. Шифрованная записка от 16/VI 1929 на имя "Маруси". Записка, написанная от руки от 21/VI 1929 г. начинающаяся словами "Дорогие друзья, шифр № 3" за подписью "Ваш О"»³⁴.

Старший химик центральной лаборатории Центросоюза Борис Пузов пытался отрицать, что был в латвийской миссии, но быстро передумал:

«Не желая отрицать вины, чистосердечно сознаюсь в том, что я сегодня перед задержанием моим вышел из дома № 3 по Машкову переулку. В этом доме

³⁴ ЦД ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 18-19.

помещается Латвийская Дипломатическая Миссия. Был я там у Выграбса, кажется, секретаря Миссии. Он работает в комнате, помещающейся во втором этаже, первая комната налево (№ комнаты не заметил). От Выграбса я получил все то, что перечислено в протоколе о моем задержании от 13 июля 1929 года.

В Латвийской Миссии у Выграбса я бывал периодически по поручению Московской организации Р. С. Д. Р. П. (м). Через Выграбса осуществлялась связь с заграничным представительством Р. С. Д. Р. П. (м). Я носил в миссию и передавал Выграбсу для отсылки в Берлин письма с-д организаций в СССР и разный корреспондентско-информационный материал. От него получал с-д литературу, письма, деньги, иностранные газеты и вырезки из них. Передавал я посылаемое из СССР и получал присылаемое из-за границы в заклеенных и открытых конвертах. Читалась ли переписка с-д организаций в СССР с границей, Выграбсом или другими служащими посольства, мне известно не было. Насколько я себе представляю, точно оговоренного порядка на этот счет не существовало. В каком виде и каким способом переправлялась эта переписка дальше, и попадала наконец по адресу, мне неизвестно. Видимо, там существовал строго установленный порядок. До настоящего посещения Латвийской миссии, последний раз я был там 27 июня с. г. Получил ряд материалов, которые еще не передал по назначению.

Я был связан в Москве с членом партии, которому

передавал все полученное из Миссии и получал для передачи туда. Его партийная кличка «Вера Ивановна». Настоящая фамилия Кузнецова Тамара Николаевна. Где она живет, я не знаю. Никогда на квартире у нее не бывал. Всегда, когда я нужен был ей, она звонила мне по телефону на службу или приходила ко мне на квартиру.

Из других членов организации я знаю одного мужчину, которого звали «Иван Иванович». Фамилии его я не знаю. Мне известно, что он приехал из-за границы для партийной работы. Кроме того, у меня был телефон, № которого я не помню, по которому я должен был, если мне что-либо нужно было, звонить и спросить Берту Владимировну»³⁵.

Б. Н. Пузов был доставлен к себе по месту жительства для обыска, где был обнаружен целый склад литературы, а главное, переписка видных меньшевиков со своими единомышленниками в СССР. В частности, письма Ф. Дана, Л. Дан, А. Югова, П. Гарви, А. Сапира:

«Акт. 1929 июля 13 дня, я нач.[начальник] 2-го отделения СОО ГПУ в присутствии уполномоченного] 2-го отделения СО ОГПУ Лившица и гр[аждани]на Пузова Бориса Николаевича составил настоящий акт в том, что на основании показаний гр[аждани]на Пузова Бориса Николаевича у него отобрааны нижеуказанные материалы:

1) Письмо № 643 от 21/II 1929 г. за подписью «Ф[едор] Д[ан]» с припиской: Вполне разделяю

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 18-19.

³⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146. Л. 63-64.

позицию Ф[едора] Д[ана] А. Югов» На 3-х листах 1 экз. 2) Письмо от 24/II-29 г., начинающееся словами «Дорогие друзья! Больше двух лет назад в сентябре 1926» «за подписью "Далин" на 2-х листах — 1 экз. 3) Письмо от 6/ III 29 г., писанное от руки на немецком языке на одном листочке пап[ирсной]. бумаги — 1 экз. 4) Конверт с надписью "Личное — Маруся" — 1 экз. 5) Письмо от 19/III 1929 г. за № 68 за подписью "Ф[едор] Д[ан]" на двух листах — 1 экз. 6) Письмо от 9/IV за № 69 за подписью "Ф[едор] Д[ан]" на двух листах — 1 экз. 7) Письмо от 8/IV 1929 г. за № 1. Письмо от руки, начинающееся словами: "Дорогие т-щи, уже годы длятся наши взаимные жалобы", и кончающееся словами "то всем понятно, какое значение для нас и нашей партии имеет идеологическое сближение" на 2-х листах — 1 экз. 8) Письмо от 9/IV 1929 г., начинающееся словами: "Дорогие друзья! Письмо т. Дана от 19 марта" и кончающееся словами "речь идет о различном способе выражения одних и тех же тактических принципов" на 13 листах — 1 экз. 9) Письмо адресованное: "Только для членов Р. С. Д. Р. П. — "Письмо к товарищам в Россию" — за подписью П. Гарви на 15 листах — 1 экз. 10) Записка, датированная "Берлин. 11 апреля 1929 г." с сообщением о болезни Югова.

п) Конверт, адресован "Марусе, лично". 12) Письмо на немецком языке за 14/IV 1929 г. 13) Письмо № 1 от 18/IV за подписью "Ваш О". 14) Один фотоснимок с изображением памятника с надписью: "Р. С. Д. Р. П. — в изгнании павшим". 15) Письмо № 2 от 23/IV 29 г. за подписью "Ф[едор] Д[ан]." на 1 л. — 1 экз. 16)

Письмо от 21 апреля, начинающееся словами "Я, пользуясь воскресеньем" — кончающееся] словами: "не прибегая к насильственному понуканию его". 17) Письмо от 30 апреля, начинающееся словами "Я хочу поговорить с Вами", кончающееся словами: "В подобных случаях я чувствую себя здесь как в ссылке". 18) Письмо № 2 от 6 V 29 г. за подписью "... " на 3-х листах — 1 экз. 19) Записка № 3 от 10 V 29 г. за подписью "Д[ан?]" — 1 экз. 20) Письмо от 19 мая 29 г. за подписью "Сапир" на 2 л. — 1 экз. 21) Письмо на немецком языке от 2 V 1929 г. 22) Письмо № 4 от 27 V 29, начинающееся со слов "Дорогие друзья: последняя почта принесла большую радость" и кончающееся] словами "И трудности, которые представляют вн[ешние?] дела даже для таких больших умов". 22) Письмо № 4 от 27 V 29 за подписью "Ваш О". 23) Записка след[ующего] содержания: "10 июня 1929 г. 2. Сорок червонцев (40) для Юрия Ол." 23) Письмо № 5 от 10 июня за подписью "О". 24) Письмо к № 5 от 9 VI 29 за подписью "Ф[еодор] Д[ан]" 25. То же. От 9 VI 29 с надписью "дубликат" за подписью "Ф[еодор] Д[ан]"³⁶ 24) Вырезок из немецких газет 7 экземпляров]. 25) Листовка с отзывами о книге Югова "Народное хозяйство Сов[етской] России и его проблемы". 26) Журнал "Социалистический вестник" за 1929 г. № 3 — 14 экземпляров]. 27) то же № 2 — 15. 28) то же за 1928 № 24 — 5. 29) То же за 1929 № 25 — 6. 30) То же № 10 — 17. 31) То же № 9 — 17. 32) То же № 7/8

³⁶ К сожалению, все эти уникальные документы к уголовному делу не приобщены.

— 9»³⁷.

Снова, как и в деле Е. Л. Бройдо, следствие с выяснением деталей особо не возилось. Улик было достаточно, а Борис Пузов тут же дал подробные показания о своих связях, раскрыв всю систему работы:

«Примерно в 1926 году, точно не помню, я был связан членом организации Тамарой Кузнецовой с товарищем, тоже членом организации, который дал мне адрес и пароль к секретарю Латвийской миссии гр [ажданина] К'юзе. Назвавшись, как мне было сказано товарищем, «Берешковичем» по паролю от Бруно Кальнина «нет ли какой корреспонденции», я стал получать для организации письма, Социалистический] Вестник и деньги. После отъезда в Латвию гр[ажданина] К'юзе, я стал получать эту же почту от гр[ажданина] Выграбса, брата

Выграбса, от которого получил почту и деньги последний раз. После отъезда Выграбса первого, т. е. в промежутке между ними, почту получал несколько раз от военного атташе гр. Келлерта, пароль к которому был дан уже непосредственно Тамарой Кузнецовой.

Письма, деньги и Социалистический] Вестник мною передавались непосредственно при встречах у меня на дому, и на улицах Тамаре Кузнецовой. Точно все такие встречи не помню, т. к. все это было давно. Мои посещения означенных лиц для получения почты были приблизительно два раза в месяц.

³⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146. Л. 65-66.

Разговоров при встречах не было, иногда только после своих поездок в Ригу Выграбс говорил мне, что виделся с видными руководителями с[оциал]-д[емократиче-ской] партии с Абрамовичем и др[угими].

[...] По предъявленной мне фотографической карточке за № 370 Левина Якова Николаевича — узнал члена партии, приехавшего из-за границы и назвавшегося «Иваном Ивановичем». По фотокарточке № 374 узнаю Кузнецову Тамару Николаевну, именовавшуюся в организации «Верой Ивановной». [...] По убеждениям считал себя социал-демократом до последнего времени. Активной работы в организации Р. С. Д. Р. П. (м) я не вел. Отдельные поручения выполнял. После поведения германских с[оциал]-д[емократов] в день 1-го мая с. г. во мне наступил резкий перелом, и я во многом поставил под сомнение свои взгляды. В настоящее время точно определить свои политические убеждения я затрудняюсь. Отношение мое к Соввласти лояльное»³⁸.

М. А. Броунштейн-Валериянов после ареста Пузова давать новые пояснения не стал. 27 июля 1929 года он сообщил следователю:

«На вопросы о путях сношения Р. С. Д. Р. П. (м). — организаций ее в СССР с заграничными — давать какие бы то ни было показания отказываюсь. Какие бы пути для этой цели не использовались, они никакого отношения к сношениям с международной

[Содержание]

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 18-19.

³⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146.Л. 67.

буржуазией не имеют. М. Броунштейн-Валерьянов»³⁹.

Уже 26 июля «лояльный Соввласти» Б. Н. Пузов вышел на свободу под подписку о невыезде⁴⁰. А 30 июля уполномоченный ОГПУ

Лившиц констатировал, «что гр[ажданин] Пузов является активным работником Моск[овской] организации меньшевиков. При допросе дал откровенные показания, чем содействовал ведению следствия и заявил о своем отходе от меньшевиков»⁴¹. Следователь 30 июля 1929 г. предложил руководству дело в отношении Пузова «прекратить, подписку о невыезде из Москвы аннулировать», и 1 августа 1929 г. Б. Н. Пузов поразительно быстро был освобожден от уголовной ответственности⁴².

Особое совещание при Коллегии ОГПУ 2 августа 1929 года решило: Кузнецову Тамару Николаевну — «заклуч[ить] в места лишения свободы, подведомственные] ОГПУ, сроком на три года, с заменой высылкой через ППОГПУ на Урал на тот же срок»⁴³. Видимо, учли то, что у нее есть малолетняя дочь. Объявили ей об этом 5 августа, а уже 14-го августа 1929 г. Постпредство ОГПУ по Уралу сообщило в Москву, что административно ссыльная Кузнецова находится в Свердловске»⁴⁴.

³⁹ Там же. Л. 69.

⁴⁰ Там же. Л. 68.

⁴¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146. Л. 71.

⁴² Там же. Л. 72.

⁴³ Там же. Л. 117.

⁴⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146. Л. 119.

М. А. Броунштейна-Валериянова решили наказать суровее, ведь он вел себя как жесткий идейный оппонент власти и имел волю вести дискуссии и выдвигать требования:

«Следователю Г. П. У. Мне предъявлено обвинение по статьям 72 II ч., 58-4 и 58-10 Уголовного Кодекса РСФСР. Не возражая против обвинения по 72 II ч., я считаю необходимым заявить что предъявление обвинения по ст. 58-4 и 58-10 ко мне как к члену Р. С. Д. Р. П. не соответствует смыслу этих статей.

Раньше всего о статье 58-4. Меня обвиняют в содействии мировой буржуазии. Стоит только прочесть программу нашей партии и ее толкование в моей статье в «Дискуссионном сборнике» нашей партии, чтобы видеть, что как партия революционно-марксистская, целиком стоящая на точке зрения классовой борьбы, борьбы не только с мировой буржуазией, но идейно борющаяся даже с реформистским крылом мирового рабочего движения, мы никогда и ни в чем не можем оказывать содействия мировой буржуазии. А в особенности нелепо, когда меня пытаются обвинить в том, что я оказывал содействие «той части международной буржуазии, которая не признавая равноправия коммунистической системы... стремится к ее свержению». Т. е. это значит, что я оказывал содействие наиболее реакционным интервенционистски настроенным элементам мировой буржуазии. Нужно ли доказывать всю кричащую нелепость этого обвинения! Ведь ГПУ прекрасно известно, что наша партия никогда не

стояла, не стоит и не будет стоять на точке зрения свержения советской власти.

Не менее хорошо вам известно, что борьба против интервенции является основной идеей всей международной политики нашей партии. И это не только революционное, марксистское, но и реформистское крыло Рабочего Социалистического Интернационала решительно борется против интервенции и за признание СССР. Какая же может быть речь о содействии мировой буржуазии или связанных с ней организациям, «в осуществлении враждебной против СССР деятельности»? Ясно, что ст. 58-4 ни с какого боку не может быть применена ко мне. Это с юридической стороны. А с политической точки зрения я могу лишь выразить самый глубокий протест против оскорбительного для меня предъявления обвинений такого сорта.

По ст. 58-11 меня обвиняют в «пропаганде или агитации, содержащей призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершении контрреволюционных преступлений и т. д. Я должен заявить, что ни свержением, ни подрывом, ни ослаблением советской власти, а тем более контрреволюционной деятельностью Р. С. Д. Р.П. не занимается. Мы стремимся лишь к тому, чтоб разъяснить рабочему классу всю опасность того утопического пути, по которому ВКП (б) ведет российскую революцию, и указываем на опасность бонапартистски-фашистского исхода. Только выравнивание линии Сов[етской] власти по пути ее постепенной демократизации может спасти

революцию от гибели и дать возможность пролетариату удержать завоевания революции. Поэтому и предъявление обвинения по ст. 58-10 также не может быть ко мне применено. М. Броунштейн-Валерианов. 2 июля 1929 г. Москва»⁴⁵.

Для М. А. Броунштейна-Валерианова работники ОГПУ особым письмом согласовали постановление Президиума ВЦИК СССР от 26 сентября 1929 г. за подписью А. Енукидзе, дающее право ОГПУ рассмотреть его дело во «внесудебном порядке»^{46 47}. Специальное «внесудебное решение» позволяло ОГПУ дать ему больше 3 лет и до 10-и лет заключения без передачи дела в суд.

На так называемом «судебном заседании» Коллегии ОГПУ от 1 октября 1929 г. по делу № 76 735 по 58/4 ст. УК РСФСР чекисты решили: *«Броунштейн-Валерианова Михаила Адамовича, он же Левин Яков Натанович, заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на пять лет»*⁴⁷. Для того времени — значительный срок.

Казалось, история эмиссаров РСДРП (м) завершена. Но в 1930 году И. В. Сталин в рамках целой серии открытых процессов над интеллигенцией, начатых Шахтинским процессом и «Делом Промпартии», приказал провести показательный процесс над социал-демократами. В ОГПУ была придумана несуществующая структура — Союзное бюро меньшевиков. В ее состав были включены бывшие

⁴⁵ Там же. Д. 19. 298б1. 18-19.

⁴⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146. Л. 112, Л. 117.

⁴⁷ Там же. Л. 110.

социал-демократы, давно партию покинувшие, «разоружившиеся» и служившие в качестве «спецов» в Госплане, ВСНХ и других хозструктурах — В. Г. Громан, А. М. Гинзбург, И. И. Рубин, В. В. Шер, Н. Н. Суханов, М. П. Якубович и другие. Все они, как было известно ОГПУ, вне службы позволяли себе почти открытую фронду. Собирались в «салоне» Н. Н. Суханова, ворчали об ошибках руководства, критиковали сталинские планы пятилетки как разорительные для страны... Процесс был проведен 1-9 марта 1931 г. в Колонном зале Дома Союзов. В качестве «свидетеля» и члена столь же мифической «Трудовой крестьянской партии» выступал известный экономист Н. К. Кондратьев. Всего на сроки от 5 до 10 лет в марте 1931 г. осудили 14 человек и еще до сотни было репрессировано ОСО ОГПУ⁴⁸.

Об арестах бывших меньшевиков было хорошо известно за рубежом. Уже 27 октября 1930 г. было одобрено обращение ЗД РСДРП (м) *«Ко всем партиям РСИ» с протестом против новой волны террора в Советской России, желающего «сделать козлами отпущения за преступное легкомыслие сталинского курса, за крушение его фантастических “планов” тех русских интеллигентов, влияния которых на его собственную партию и на рабочих Сталин боится»*^{49 50}
51

27 февраля 1931 г. ЗД РСДРП (м) приняла решение

⁴⁸ А. А. Литвин. Судебный процесс над несуществующей партией // Меньшевицкий процесс 1931 года. Сб. документов. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1999. С. 3-37.

⁴⁹ Меньшевики в эмиграции... Ч. 1. Т. 1. С. 465-466.

⁵⁰ Там же. С. 470.

⁵¹ Социалистический вестник. 1931. 14 марта. № 5 (243). С. 11-12. [Содержание]

*«Считать необходимым вести в печати кампанию против политики власти, рассчитанной на истребление меньшевиков, указывая также на возможность процесса»*⁵⁰. Такая кампания в связи с процессом т. н. «Союзного бюро меньшевиков» велась в «Социалистическом Вестнике» с февраля по ноябрь 1931 г. Активность ЗД РСДРП (м) была высока. К примеру, 2 марта 1931 г. в Берлине был проведен 20-тысячный митинг протеста в Спорт-Паласе, где от РСДРП (м) выступал Р. А. Абрамович⁵¹. Активные действия привели к тому, что по «меньшевицкому» процессу, в отличие от Шахтинского, не было расстрелов.

После ареста один из попавших в жернова сталинских фальсификаторов экономист и журналист Николай Николаевич Суханов дал показания о трех вполне реальных встречах с М. А. Броунштейн-Валериановым. Естественно, в духе следствия Броунштейн именовался эмиссаром РСДРП и связником с мифическим Союзным бюро:

«В 1929 г. именно я вел сношения с РСДРП в лице ее специального эмиссара и члена Ц. К. М. А. Броунштейна. Из его уст я знакомился с текущими установками партии, с ее директивами и ее внутренним положением (соотношением течений и групп и т. д.). Затем я передавал его слова и другим членам Союзного Бюро»⁵².

В декабре 1930 года М. А. Броунштейна-Валерианова из Верхнеуральского политизолятора привезли в

[Содержание]

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 18-19.

⁵² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 8.

Москву. Он первоначально допрашивался следователем Дмитриевым на предмет сотрудничества. «Мы настолько сильны, что можем вас освободить», — сообщил ему Дмитриев. Броунштейн-Валерианов отказался «быть чьим-либо политическим орудием». Тогда началось «следствие» уже жесткими методами, Броунштейну двое следователей Экономического управления ОГПУ запустили «конвейер с перерывами на завтрак, обед и ужин», 5 дней фактически не давали спать, добивались признаний участия его в Союзном бюро. В своем дневнике, найденном в политизоляторе в 1933 году и попавшем в его последнее уголовное дело, меньшевик описал пыточное следствие подробно. Ему зачитывали показания его бывших друзей (Шера, Лежнева) с оговорами и самооговорами. Предупреждали: «Мы вас заставим говорить»⁵³.

В имеющихся в деле из ЦА ФСБ показаниях М. А. Броунштейн-Валерианов факт встречи с Н. Н. Сухановым признал, но он указал на ее случайный характер. Он столкнулся с Сухановым на остановке и на следующий день послал к нему бывшую жену, видимо, чтобы убедиться, что провала не будет. После этого они трижды встречались и беседовали и о политических делах.

«Выслушав показания Н. Н. Суханова о трех моих встречах с ним, имевших место в Москве, я подтверждаю, что эти встречи действительно состоялись, и поводом к ним была случайная встреча

⁵³ В. Н. Уйманов. Процесс «Союзного бюро меньшевиков» и судьба меньшевика М. А. Валерианова-Броунштейна // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2012. № 355. С. 5-7. На основе дела М. А. Броунштейн-на: Архив УФСБ по Томской области. Д. П-11575.

с Н. Н. Сухановым на остановке трамвая. Мотивы, побудившие после этой случайной встречи к свиданиям с Сухановым были исключительно личного характера и состоялись без ведома партии. Эти мотивы следующие: 1) из своих многочисленных московских знакомых, я не мог ни с кем встречаться по конспиративным соображениям, — как только среди моих знакомых заговорили, что я в Москве, был бы тотчас изловлен.

Так как слепой случай сделал Суханову известным мое пребывание в Москве, то мотив конспиративности отпал. Я же, зная Суханова на протяжении почти двух десятилетий, не сомневался в том, что он никому не скажет о моем приезде. Кроме того, я считал Суханова человеком, не занимающимся политической деятельностью и коммунистически согласным, поэтому исключались соображения о какой бы то ни было слежке за ним, и стало быть, опасность того, что он невольно может провалить меня. Я же с жадностью воспринимал все российские впечатления и беседа с таким вдумчивым и наблюдательным человеком как Суханов, была для меня очень интересна. Если же прибавить к этому, что я лично всегда был очень расположен к Суханову, станет понятным, почему я с удовольствием встречался с Сухановым.

2) Я хотел обратиться к Суханову с просьбой найти мне какую-нибудь работу на дом, т. к. сильно нуждался в заработке. Мой сын был тяжело болен, у его матери Лежневой Броунштейн не было в это время почти никакого заработка, между тем, при

благоприятном исходе болезни нужно были средства для поправки сына [отсутствует фрагмент] Суханов сможет достать для меня какую-нибудь переводную, компилятивную или счетную временную работу, которую я мог бы выполнять на дому.

Вторая беседа носила характер частного обмена мнениями. Я отнюдь не выступал перед Сухановым как официальный представитель Р. С. Д. Р. П. Если я и сообщил Суханову о том, что я прибыл для партийной работы, то исключительно по моральным соображениям. Я не считал возможным, встречаясь с ним, исключительно по личным мотивам, держать его в неизвестности насчет того, что он подвергается известному риску, встречаясь с человеком, занимающимся нелегальной партийной работой. [...]

По моей просьбе моя б[ывшая] жена А. И. Лежнева-Броунштейн сообщила все три раза о моем желании встретиться Суханову. Так как мои встречи с Сухановым никакого отношения к партийной работе не имели, то я считал возможным просить Лежневу снестись с ним. Она — человек к политической деятельности отношения не имеющий, и я бы ей не стал давать, а она бы не приняла поручений партийного характера. Тем более я не стал бы подвергать (ее) риску: спасение тяжело больного сына зависело от личного врачебного и материнского ухода. Вообще, должен подчеркнуть, что моя бывш[ая] жена считала, по моим словам, мой приезд вызванным исключительно опасной болезнью сына»⁵⁴.

В отличие от Броунштейна Н. Н. Суханов

интерпретировал события так, как хотело следствие:

«Эмиссаром оказался М. А. Броунштейн. Об этом я узнал после встречи с ним при обстоятельствах совершенно случайных. Сам он не искал личной встречи со мной — либо из конспиративных соображений, либо в результате наших недоразумений при последних свиданиях за границей. Мои сношения с Броунштейном в Москве завязались таким образом. На остановке трамвая «А», в котором я ехал примерно через неделю после описанного совещания, в группе людей, ожидавших моего вагона на Страстной площади, я заметил знакомую фигуру, которую принял за Броунштейна. Но этот человек, встретившись со мной взглядом, вместо того, чтобы войти в вагон, обошел его сзади и исчез. Я, считая появление Броунштейна в Москве, где он имеет многочисленных знакомых, слишком маловероятным, и сейчас же забыл о встрече.

На следующий день, однако, ко мне на квартиру пришла женщина, несколько знакомая по внешности, которая назвалась Лежневой, и сообщила, что накануне я действительно встретил Броунштейна, он приехал из Германии нелегально ввиду тяжелой болезни их сына, и, следовательно, слухов о встрече с Броунштейном на улицах Москвы нельзя распространять. Я, конечно, понял, кто является эмиссаром заграничной делегации. В заключение разговора Лежнева полувопросительно заметила, что я лично, вероятно, не особенно жажду встречи с ее мужем, и даже считаю ее нежелательной. Я ответил, напротив, что очень желал бы лично познакомиться с Броунштейном. Мы условились, что

Лежнева переговорит об этом со своим мужем, а затем по телефону сообщит только адрес и время свидания. Оно состоялось в гостинице «Европа» в номере, снятом каким-то приезжим родственником Броунштейна. Свидание было в присутствии этого третьего, незнакомого мне лица, и не представляло политического интереса. Оно имело, собственно, характер восстановления наших личных отношений. В течение двух примерно часов говорили мы о частных делах, о работе Броунштейна в Берлине в качестве шофера и т. п. Но это предполагало в дальнейшем наши новые встречи для политических бесед. Мы условились встретиться снова — тем же порядком и увиделись недели через 2 снова, уже вдвоем в квартире родственницы Броунштейна у Сухаревой башни. Здесь около 2-х часов мы говорили на политические темы.

Броунштейн говорил подробно о современных позициях партии и заграничной делегации, а также ее крыльев и отдельных лиц. В общем, он развертывал новые установки партии — на борьбу с пятилеткой и на интервенцию. Но он подавал это под соусом солидарности партии с позициями II Интернационала, стирая острые углы и замазывая точки над и. Я приписывал это тому обстоятельству, что Броунштейн остается на левом фланге партии и редактирует свои положения применительно к собеседнику, в котором видит привычного оппонента слева. В изложении Броунштейна для меня уже не было ничего существенно нового. Далее мы перешли к меньшевистской работе в Союзе. В общем, Броунштейн констатировал плохое состояние организации, особенно упирал на слабость техники и

на распыленность меньшевистских сил»⁵⁴, — показывал Н. Н. Суханов 30 января 1931 г.

Надо сказать, что А. Лежнева, как порядочный человек, выйдя из тюрьмы, предупредила Н. Н. Суханова об аресте мужа: «Через несколько дней Лежнева по телефону просила меня зайти к ней, что я и сделал. Она сообщила мне об аресте Броунштейна под Москвой (кажется, в Лосиноостровской). Она прибавила также, что и сама три дня просидела под арестом, в ГПУ интересовались моей фамилией, записанной у нее в книжке»⁵⁵. Так Н. Н. Суханов в 1931 г. выдал Лежневу...

О своих встречах Н. Н. Суханов якобы сообщал В. Г. Громану, В. В. Шеру и другим коллегам. Всех их следствие заставило признать работу в общей организации с М. А. Броунштейном-Валериановым. М. Н. Броунштейн-Валерианов признал встречу только с Н. Н. Сухановым, однако есть еще и показания работника Госбанка Александра Ивановича Лежнева. 16 февраля 1931 г. он сообщил:

«О приезде М. А. Броунштейна я узнал от сестры Агнии Ивановны весной 1929 года во дворе scarлатинозного барака, где она была со своим больным сыном, и куда мы — родственники приносили ей и ее сыну молоко и другие продукты питания и я в том числе раза два или три. В первый раз при разговоре она сказала, что он приехал, по-видимому, в связи с тяжелым положением сына, что она ввиду высокой температуры у сына с ним долго

[Содержание]

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 18-19.

⁵⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 12-14.

⁵⁵ Там же. Л. 16.

разговаривать не могла. Через неделю примерно я был у сестры второй раз, в этот

раз она сообщила, что М. А. Броунштейн был у нее еще раз, что где он остановился, она не знает, что приезжал он, по-видимому, нелегально, и не только чтобы проведать сына, но, как она догадывается, и с какими-то партийными поручениями, но она как мать общего их сына и как бывшая жена не может отказать ему в свидании, поскольку он не может не видеть больного сына. Значительно позже она мне говорила (после перевозки сына из больницы домой), что еще виделась с М. А. Броунштейном на квартире, насколько помню, или родственника, или человека, близкого к семье Броунштейнов. Однажды сестра мне сказала, что М. А. Броунштейн хотел бы со мной увидеться. Я согласился, и мы встретились в сквере около клиники. М. А. Броунштейн просил меня передать В. В. Шеру о том, что он хотел бы с ним встретиться. Я передал последнему об этом. В. В. Шер согласился встретиться с М. А. Броунштейном у себя на квартире, но просил предварительно с ним договориться по телефону. Насколько помню, в конце мая 1929 года эта встреча и состоялась.

Беседа проходила в верхнем этаже квартиры В. В. Шера, в его кабинете. Никто из посторонних кроме В. В. [Шера] и М. А. Броунштейна и меня больше не присутствовал. Разговор длился около часу. М. А. Броунштейн сообщил, что прибыл он нелегально в СССР с поручением от заграничного бюро РСДРП усилить работу и наладить связи между русскими и заграничными организациями, причем поделился теми

принципиальными установками в работе, которые намечаются в заграничных организациях. [...] Беседа закончилась на этом, причем было признано необходимым встретиться еще раз -уже у меня на квартире, причем я должен был согласовать и с Шером и с Броунштейном удобный для них день и час. Недели через две примерно после первой встречи эта вторая встреча и состоялась у меня на квартире, причем я предварительно условился с М. А. Броунштейном о часе встречи и принял меры к тому, чтобы у меня на квартире никого бы не было. Беседа состоялась в отдельной — одной из двух занимаемых мной комнат — комнате и принимали в ней участие только В. В. Шер, М. А. Броунштейн и я»⁵⁷. Признавал встречу и В. В. Шер:

«О приезде в Москву Броунштейна Михаила Адамовича я узнал от его родственника, члена меньшевистской ячейки Госбан-

ка А. И. Лежнева. Если мне не изменяет память, весной 1929 г. Лежнев сообщил мне, что в Москву приехал М. А. Броунштейн, который имеет какие-то поручения от заграничной делегации и желает повидать меня. Я изъявил полную готовность повидаться с ним у себя на квартире, куда он и пришел однажды вечером после телефонного предупреждения Лежнева»⁵⁶.

А. И. Лежнев был в апреле 1931 г. приговорен к ВМН, с заменой 10 годами заключения, был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в 1938 г. Профессор, сотрудник ВСНХ и

⁵⁶ Там же. Л. 40.

Госбанка В. В. Шер (1883-1940) сотрудничал в 1931 г. со следствием, был осужден на «Меньшевицском процессе» на 10 лет лагерей, умер в ссылке в Чкаловской (Оренбургской) области в 1940 г.⁵⁷

Правдоподобной видится возможность встречи М. А. Броун-штейна-Валерианова с А. И. Лежневым как с родственником жены. Остается открытым вопрос, встречался ли М. А. Броунштейн и с В. В. Шером или это свидание было выдуманно сотрудниками ОГПУ. По крайней мере, характеристика В. В. Шером А. И. Лежнева как «члена меньшевистской ячейки Госбанка» ставит под сомнение всю эту конструкцию: А. И. Лежнев в прошлом был эсером.

Как ни давило следствие, план вывести самого М. А. Броун-штейна-Валерианова на показательный процесс меньшевиков провалился. В отличие от капитулировавших под угрозами и пытками членов мифического Союзного Бюро, М. А. Броунштейн-Валерианов опровергал клевету, держался мужественно, продиктованные следствием выдумки отвергал:

«Беседа на политические темы с Сухановым, как со старым знакомым, после того, как мы несколько лет не виделись, была совершенно естественной, но не преследовала никаких партийных целей и носила исключительно частный характер. В этой беседе ни одним словом не упоминался вопрос об интервенции, ни в прямой, ни в косвенной форме. Меня изумляет поэтому соответствующее место в показаниях Суханова.

⁵⁷ Меньшевицкий процесс 1931 года. Кн. 2. С. 398.

Ничего я также не говорил о «борьбе с пятилеткой». Я говорил о тех опасностях для революции, которые таит в себе (попытка ее) осуществления, считая, что те трудности, которые возникнут при ее осуществлении, приведут к падению сов. власти и к гибели революции. Поэтому я считал утопический курс, взятый компартией, курсом на катастрофу. В этом смысле я так и мог говорить с Сухановым по вопросу пятилетки.

На втором свидании, я действительно сказал Суханову, что собираюсь уехать на Украину. Однако никаких поручений или просьб встретиться с Ежовым или Бэром и о поездке Суханова в Воронеж не было. Это я заявляю совершенно категорически. Здесь память, по-видимому, изменила Суханову.

В показаниях Суханова содержится рассказ о связи Штерна с каким-то «эmissаром Загр[аничной] Делегации» и умозаключении Суханова, что этим эmissаром оказался я. По этому поводу заявляю, что никаких встреч со Штерном у меня не было. Со Штерном я вообще никогда в жизни не был знаком. [...] Продолжение: О существовании какого-то «Союзного Бюро» ЦК Р. С. Д. Р. П. с участием Штерна и других я первый раз в жизни услышал на допросе в ОГПУ. Если такое бюро с таким наименованием действительно существовало, то это было чистейшим самозванством.

Центром партийной работы в СССР Р. С.-Д. Р. П. было Русское Бюро ЦК, к составу которого в то время принадлежал я, в которое входили исключительно члены партии. Штерн, как и другие

лица, входившие по сообщенным мне на допросе следователем члены так называемого «Союзного Бюро РСДРП», не были членами нашей партии и к их деятельности наша партия никакого отношения не имела. [...] М. Броунштейн-Валерианов»⁶⁰.

Больше от него ничего не добились.

Из-за давления следователей М. А. Броунштейн-Валерианов объявил «смертельную», то есть сухую голодовку. Тем не менее его допрашивали еще 6 дней. Снял он голодовку уже в Бутырской больнице на 12-й день после искусственного кормления. М. А. Броунштейн-Валерианов добился заверений, что его не будут использовать в качестве политического орудия, а бывшая жена не будет арестована⁵⁸.

М. А. Броунштейн-Валерианов был вывезен в Ярославский политизолятор, откуда он 31 марта 1930 г. отправил заявление в Коллегию ОГПУ:

«Мне сообщили сегодня о предъявлении обвинения по ст. ст. 5804 и 58-11. Меня обвиняют в участии в заседаниях Группы 14 (Громан — Суханов и пр.), в подтверждении инструкций об интервенции и дезорганизации в 1929 г. Настоящим заявляю вновь (об этом я уже заявил во время следствия): 1. Ни в каких собраниях и заседаниях группы Громана — Суханова участия никогда не принимал. 2. Никаких директив об интервенции и дезорганизации народн.[ого] хозяйства не подтверждал и подтвердить не мог, так как: во-первых, такие директивы не

⁵⁸ В. Н. Уйманов. Процесс «Союзного бюро меньшевиков» и судьба меньшевика М. А. Валерианова-Броунштейна. С. 5-7. [Содержание]

существовали, а если бы существовали, я бы вышел из РСДРП; во-вторых, я являлся и являюсь, и теперь, и в 1929 г. врагом и интервенции, и дезорганизации. Тогда и теперь я считал и считаю своим политическим долгом бороться всеми средствами против интервенции, всячески содействовать процветанию народного хозяйства СССР, совершенно независимо от того, разделяю я или не разделяю ту или иную экономическую политику советского правительства.

Всеми силами души я протестую против подобных обвинений, которые я воспринимаю не как иначе как клевету и оскорбление моих революционных марксистских убеждений, за которые я всегда и с радостью готов отдать свою жизнь. М. Броунштейн-Валерианов, 31/III/1931, Ярославский политизолятор»⁵⁹.

Вывести на процесс реального посланца РСДРП (м) не рискнули. 8 августа 1931 года решением ОСО ОГПУ ему увеличили вдвое срок заключения: «Во изменение прежнего постановления Броунштейна-Валерианова Михаила Адамовича заключить в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на десять лет, считая срок с 1/X -29 года»⁶⁰.

Судя по переписке в следственном делу, в Москву в декабре 1930 года привозили и Еву Бройдо, «27/XII прибыла из Суздальского политизолятора в распоряжение СО ОГПУ заключенная Бройдо —

⁵⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308.Л. 45. 46
⁶⁰ Там же. Л. 44.

Выгоцкая Ева Львовна — Берта Абрамовна»⁶¹. Но протоколов ее допроса в деле нет⁶². Парадоксально, что арестовав двух реальных эмиссаров ЗД РСДРП (м), следователи выдумали еще и поездку в СССР одного из лидеров меньшевиков Р. А. Абрамовича⁶³, а он затем в судах Германии доказал, что в Москве не был и быть не мог.

Об аресте М. В. Броунштейна-Валерьянова ЗД РСДРП (м) стало известно, видимо, уже в августе 1929 г. 22 августа в повестке дня заседания имеется такой пункт:

«Заслушали сообщение о положении дел, создавшемся в Бюро ЦК в связи с арестом М. и возможностью наличия провокации в центральной организации»⁶⁴. Обсуждение вопроса перенесли на следующее заседание, лишь в январе 1930 г. мы видим вывод: «решения, связанные с техникой транспорта предоставить решить транспортной комиссии»⁶⁵.

Но уже в 1929 года была развернута публичная кампания в защиту Броунштейна. «Социалистический вестник» напечатал в 1929-1931 гг. десятки статей в защиту М. А. Броунштейна и Е. Л. Бройдо и других меньшевиков⁶⁶.

⁶¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-4999. Л. 172.

⁶² Там же.

⁶³ Напр.: Фантастические показания Гинзбурга А. М о встрече с Р. Абрамовичем в Сокольнической роще // Большевикский процесс 1931 года. Т. 1. С. 200-201.

⁶⁴ Большевики в эмиграции. Ч.1. С. 365

⁶⁵ Большевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП. 1922-1951 в 2 ч. Ч. 1 С. 402.

⁶⁶ Напр.: Арест Броунштейна // Социалистический вестник. 1929. № 16/17; Аресты и ссылки // Социалистический вестник. 1930. № 2; Где Броун-

Когда заключенные меньшевики М. А. Броунштейн и Е. Л. Бройдо одновременно в 1929-1930 году оказались в Суздальском политизоляторе, им удалось поддерживать связь между собой. Так Бройдо позже написала:

«Броунштейн приехал в Советский Союз тоже нелегально, тем же путем, что и я, ровно через год после моего ареста (в 1929 году). Он получил пять лет изолятора и был привезен в то же Суздаль, только помещен в другой корпус. Однако у нас существовала еще до его приезда налаженная связь между обоими корпусами, и тотчас после своего прибытия в Суздаль, он написал мне записку, в которой сообщал главным образом о тех многочисленных арестах в Москве и Ленинграде, которые произошли одновременно в связи с его арестом, обвиняя в провале Кузнецову и ее мужа.

Писал, что все пять чел.[овек], прибывшие одновременно с ним в Суздаль (Броунштейн, Цимбал, Берта Владимировна, Зайчик и, кажется, [Е. К.] Берман, пришли к единогласному заключению о провокационной роли этой четы. Я отнеслась с недоверием и просила сообщить побольше изобличающих деталей, по поводу этой переписки из Москвы для допроса меня и Броунштейна приезжал следователь Бутенко. Моя ответная записка была перехвачена, и вслед за тем Броунштейна увезли в Верхне-Уральский политизолятор»⁶⁷.

штейн М. А.? // Социалистический вестник. 1931. № 5; Где же Броунштейн? // Социалистический вестник. 1931. № 6/7.
67 ЦА ФСБ РФ. Д. Н-4999. Л. 149-150.

Куда более отчетливое подозрение в том, что Т. Н. Кузнецова была агентом ОГПУ, Ева Бройдо высказала уже на последнем судилище в Верховном Суде СССР в 1938 году: *«Тамара Кузнецова была агентом НКВД. Я этого не знала, но о том, что она состояла членом меньшевистской партии, я знала»*⁶⁸.

Это утверждение спорно. Факты таковы, что систему доставки корреспонденции сдал Б. Н. Пузов. Был ли он гражданским мужем Кузнецовой? Это не ясно: в качестве жены в его деле указана другая женщина. Подтверждений же предательства Кузнецовой в следственных делах и близко нет. В момент первого ареста Кузнецова вела себя, как мы видели выше, мужественно.

В 1931 году Т. Н. Кузнецову решили снова репрессировать. После процесса Союзного бюро меньшевиков Тамару Кузнецову доставили в Свердловск из Ирбита, видимо, потому, что единственный выведенный на открытый суд настоящий меньшевик В. К. Иков упомянул Кузнецову и на следствии (17 февраля 1931 г.), а потом публично уже в марте на «Меньшевистском процессе», как одну из главных фигур московской организации:

«Признаю, что начиная с 1929 г. знал о существовании в Москве нелегальной меньшевистской организации. [...] Годы 1924-27 я провел в ссылке на Урале и в Туле, в Москву вернулся к началу 1928 по амнистии. Возобновляя растерянные за 4-х летнее отсутствие связи и знакомства, я выяснил первоначально лишь что в

⁶⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 91. 49

Москве в течение всех этих лет, несмотря на аресты и провалы, работает нелегальная группа, возглавлявшаяся Т. Н. Кузнецовой («Верой Ивановной»), примерно с 1925 являвшейся агентом или «доверенным лицом» заграничной делегации РСДРП. Группа эта получала «Социалистический вестник», вела сношения с границей, направляла туда корреспонденцию, снабжалась оттуда деньгами для партийных и «краснокрестовских» нужд и пр.»⁶⁹

На Урале Т. Н. Кузнецовой пытались пришить еще и ст. 58/4 УК РСФСР — сотрудничество с мировой буржуазией, на что она 3 апреля 1931 г. ответила:

«Предъявленное мне обвинение по ст. ст. 58/4 и 58/11 читала. Что касается ст. 58/11, то по этой статье я уже однажды приговор получила и ссылку отбывала в момент ареста, т[ак] ч[то] вторичное обвинение является совершенно излишним. Что же касается ст. 58/4, то поскольку мне никаких материалов уличающих меня предъявлено не было, считаю это обвинение явно сфабрикованным на основании одних только слов Икова, человека мне неизвестного ни лично, ни по имени, и заявляю свой решительный протест против действий ГПУ, преследующего не за фактическую работу, а за убеждения, не стесняясь подведением под какую угодно статью, независимо от имеющихся следственных материалов. Давать какие-либо показания, как сейчас, так и в дальнейшем без наличия предъявленных мне конкретных материалов категорически отказываюсь. Написано мной

⁶⁹ [Содержание] 50
ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 26-27.

собственноручно, в чем и подписываюсь. Т. Кузнецова»⁷⁰.

В 1931 году во время другого допроса в протоколе зафиксирован ответ Кузнецовой: *«На вопросы о моих знакомствах и связях как в ссылке, так и до ссылки отвечать отказываюсь. Записано мною собственноручно, в чем и расписываюсь. Т. Н. Кузнецова»*^{71 72 73 74 75}.

Никаких показаний Кузнецова снова не дала, ей добавили срок (де-факто — полтора года) и сослали уже в Среднюю Азию: *«Бо изменение прежнего постановления Кузнецову Тамару Николаевну — выслать через ППОГПУ в Среднюю Азию, сроком на три года, считая срок с 18/3-31 года»*⁷⁵. Там следы Т. Н. Кузнецовой теряются.

Встреча в 1929 г. М. А. Броунштейна-Валерианова с бывшей женой, ухаживавшей за тяжелобольным ребенком, ей поначалу не повредила. А. И. Лежнева-Броунштейн была на несколько дней задержана, дала показания и была отпущена ОГПУ под подписку о невыезде⁷⁶. В конце июля 1929 г. ей дали выехать с больным ребенком в санаторий. Уголовное дело ее было закрыто, но после показаний Н. Н. Суханова она 10 мая 1931 г. была выслана из Москвы на 3 года⁷⁷.

М. А. Броунштейн-Валерианов отбывал свой срок с мая 1931 года сначала в Ярославском

⁷⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-14546. Л. 8.

⁷¹ Там же. Л. 6.

⁷² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-45146. Л. 20.

⁷³ Там же. Л. 55.

⁷⁴ Большевикский процесс 1931 года. Кн. 2. С. 393.

⁷⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 35-36.

политизоляторе⁷⁸. В 1934 году он снова попал под расправу, когда находился уже в политизоляторе в Суздале, и для нового следствия был вывезен в Москву в Бутырки. Он посмел написать новую платформу РСДРП (м) и, видимо, давал читать ее коллегам по несчастью:

«Документ, датируемый маем 1933 г., обнаруженный у меня при обыске, в Суздальском изоляторе — составлен мною. Документ этот представляет собою платформу с. д. партии. Он является гипотезой, т. к. я, будучи в условиях изоляции, не мог сделать окончательных выводов. Платформа предназначалась для прочтения моими единомышленниками. Фамилии лиц, читавших платформу, назвать отказываюсь.

С тем, что написано следователем, я не согласен, и не «показываю» того, что им выше написано. А показываю я следующее. Статья «Моя платформа» написана мною лишь в порядке самоуяснения вопроса об изменении платформы РСДРП. Статья, как это указано в предисловии, носит гипотетический характер, являясь не документом, а лишь рабочей гипотезой. Читалась ли она еще кем-нибудь, и кем, я показывать отказываюсь.

На заданный вопрос. Почему на статье имеется надпись «При чтении и хранении обращаться бережно» и на вопрос «почему в заключительной части статьи имеется абзац»: «Я надеюсь, что товарищи постараются уловить мои основные взгляды, и если не принять, то по крайней мере понять мои позиции», я отвечаю⁵² хотя я писал статью для

самоуяснения вопроса и в порядке, как это сказано в статье «размышления вслух», я, тем не менее, не имел ничего против того, чтобы мои размышления были «подслушаны» другими заключенными, и на случай, если бы эта статья попала в другие руки, сделал как надпись, так и абзац в заключительной части.

На вопрос, почему я упорно называю рассматриваемый документ статьей, а не платформой, как об этом гласит глава II «Платформа РСДРП », я отвечаю: Под заглавием « Платформа РСДРП » перечислены те пункты, которые я в своей статье в порядке самоуяснения вопроса, наметил пункты изменения (существующей — вычеркнуто) Платформы РСДРП, принятой в 1924 г. Т[аким] о[бразом] это не Платформа, а гипотетический набросок возможного изменения Платформы РСДРП. М. Броунштейн-Валерьянов. 17. II/34 г.»⁷⁶

К сожалению, документ этот не найден. Но за него 28 февраля 1934 г. решением Особого совещания ОГПУ СССР М. А. Броунштейна-Валерьянова приговорили к 3 годам тюрьмы, хотя и с поглощением этого наказания предыдущим сроком⁷⁷.

Из Бутырской тюрьмы 8 марта 1934 г. М. А. Броунштейна-Валерьянова вернули спецконвоем в Суздальский изолятор с указанием: *«взять осужденного на особый учет, в порядке приказа ОГПУ №-257»* и по приказу начальника Секретно-Политического отдела ОГПУ Г. Молчанова —

⁷⁶ Там же. Л. 49-50.

⁷⁷ Там же. Л. 53.

«поместить изолированно от Цедерба- ум-Левицкого и Якобсона»⁷⁸.

Неожиданно 7 января 1935 г. уже 8 отдел ГУГБ НКВД сообщает в УНКВД Западно-Сибирского края в Новосибирск о замене заключения ссылкой: *«На основании постановления Особсове- щания при НКВД от 15 ноября 1934 г. Броунштейн-Валерианова*

Михаила Адамовича досрочно освободить и выслать в ЗСК [Западно-Сибирский край] сроком на три года, считая срок с момента вынесения настоящего постановления»⁷⁹.

М. А. Броунштейн-Валерианова отправили в ссылку в Томск, где в 1937 году он был в Колпашево арестован, объявлял голодовку и в конце 1938 г. был расстрелян⁸⁰. Последнее дело Броунштей- на изучил В. Н. Уйманов^{81 82}.

Ева Львовна Бройдо была в начале 1930-х отправлена в Ташкент, оттуда в Ойротию — ныне Горный Алтай. В 1937 году она попала под следствие по делу о меньшевистско-эсеровском заговоре. Давление на подследственных в Алтайском крае, а потом и в Москве оказывалось колоссальное. В этих условиях

⁷⁸ Там же. Л. 54-57, 61.

⁷⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 64.

⁸⁰ Броунштейн-Валерианов Михаил Адамович, (варианты ФИО: Левин Яков Натанович). Родился в 1886 г., г. Елисаветград; еврей; РСДРП (м) с 1903; Экономист-плановик в Колпашевском Окргземуправлении, ссыльный. Проживал: Новосибирская обл., г. Колпашево. Арестован 23 октября 1937 г. Приговорен: ВК ВС СССР 13 июня 1938 г., обв.: 58-1а, 2, 8, 11. Приговор: ВМН с конфискацией. Расстрелян 13 июня 1938 г. Место захоронения — г. Новосибирск. Реабилитирован 19 августа 1993 г. Прокуратура Томской обл.

⁸¹ В. Н. Уйманов. Процесс «Союзного бюро меньшевиков» и судьба меньшевика М. А. Валерианова-Броунштейна.

⁸² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 37.

Ева Бройдо решила не скрывать деталей уже далекого прошлого. Запись ее показаний сделана характерной для следствия лексикой и требует тщательной интерпретации.

Здесь я сделаю оговорку. Сегодня перед нами возникает вопрос, можно ли пользоваться пыточными следственными делами 1937-1938 гг. как достоверным источником? Я бы отметил, что все же осторожно делать это возможно, сверяя собственноручные показания с историческими фактами и отвергая то, что очевидно противоречит здравому смыслу. Кроме того, у нас есть возможность попытаться стилистически отфильтровать тексты, убирая лексику, навязанную следствием.

Из самого позднего дела Е. Л. Бройдо можно выделить непротиворечивые факты. Ее поездка, как и Броунштейн-Валериянова, готовилась ЗД РСДРП, через СДП Латвии. Как она указывает: *«В 1927 г. из Германии через Латвийскую границу при помощи контрабандистов мне удалось нелегально перейти границу»*⁸³. *«В 1927 году я перешла границу со стороны Латвии. [...]*

*При содействии латышских социал-демократов, организовавших переброску меня в СССР через контрабандистов»*⁸³. *«В Риге через соц[иал-]дем[ократа] фамилию не помню, мне был организован переход границы с помощью контрабандиста, который в одну из ночей в болотистом месте перевел меня на советскую территорию»*⁸⁴. По этому же пути

⁸³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 56. 55

⁸⁴ Там же. Л. 80.

шел и Михаил Броунштейн.

Как была организована связь, сообщает Е. Л. Бройдо:

«Бюро заграничной делегации имело в городе Риге постоянного уполномоченного по связи — одну латышскую социал-демократ-ку, врача, проживавшую в Русской слободе (пригород Риги). Фамилии этой меньшевички я не помню. Она поддерживала знакомство с одним из служащих министерства иностранных дел Латвии, передавала ему всю корреспонденцию, а тот направлял ее через латвийское посольство в Москве в адрес Бориса Михайловича⁸⁵, фамилии не помню, мужа Кузнецовой Веры Ивановны — технического секретаря ЦК РСДРП меньшевиков. [...] Аналогичным путем проводилась пересылка корреспонденции через Финляндию, Эстонию и Литву. Обратная же связь, исходящая из России, поддерживалась таким же путем, но были и другие средства связи. Прежде всего, редакция «Социалистический вестник» пользовалась информацией многих приезжавших из СССР в заграничную командировку, в том числе даже коммунистов»⁸⁶. «Главную роль в организации моей поездки в СССР играл Дан. Он по согласованию с членами делегации дал мне установку — восстановить связи с меньшевиками. Развернуть нелегальную работу и создать широкую корреспондентскую сеть для «Социалистического

⁸⁵ Видимо, имеется в виду Б. Н. Пузов.

⁸⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 56.

вестника»⁸⁷.

Передачу литературы и почты вели через посольство Латвии, что подтверждено показаниями Пузова. В Москве существовала группа меньшевиков Тамары Кузнецовой, в которой состояла Е. К. Берман, «Берта Владимировна» и другие. Ее провал произошел только после приезда М. А. Броунштейна-Валерианова.

Это подтверждается показаниями меньшевика В. К. Икова — единственного на процессе «Союзного бюро», чье реальное членство в меньшевистской партии было признано Заграничной делегацией РСДРП:

«В течение нескольких месяцев в России проживала нелегально приезжавшая из Берлина чл. ЦК РСДРП Е. Л. Бройдо, работавшая в Москве, побывавшая в Харькове и арестованная весной 1928 г. около Баку. Ее задачей было восстановление русского Бюро ЦК и возможно более широкая и прочная постановка партработы. Повидаться с нею мне не пришлось, и только много спустя после ее провала я узнал, что в поисках людей для организационной работы и корреспондирования Е. Л. Бройдо обращалась к старым меньшевикам (напр. к А. М. Гинзбургу и П. Н. Колокольникову). Таковы были сведения, сообщенные мне товарищами, осведомленными в той или другой мере о парт. жизни в Москве (Е. К. Берман, П. Н. Колокольников, А. Н. Гутерман)»⁸⁸.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-42308. Л. 26-27.

Ева Бройдо сообщила:

«Кузнецова работала техническим секретарем бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) в Москве, имела регулярную письменную и почтовую связь с «Заграничной делегацией» РСДРП (м) в Берлине. Я написала ей письмо с просьбой выслать мне советский паспорт или справку, заменяющую паспорт, хотя бы под другой фамилией. Она — Кузнецова мою просьбу удовлетворила, выслала мне справку на имя Высоцкой»⁸⁹.

Московская группа имела тесные связи с рабочей средой, мы это находим в показаниях Бройдо:

«Прибыв в Советский Союз, я в первую очередь установила связь с техническим секретарем ЦК меньшевиков в Москве — Кузнецовой Верой Ивановной⁹⁰, которая познакомила меня с некой Бертой Владимировной (фамилии ее я не помню, она была арестована в 1929 году и находилась в Суздальском политизоляторе), заведовавшей библиотекой Дома ученых. В разговоре с Кузнецовой и Бертой Владимировной я выяснила, что в Москве меньшевистская организация совершенно разгромлена, связи с рабочей массой сохранились только среди печатников. Из информации тех же Кузнецовой и Берты Владимировны было видно, что меньшевистская интеллигенция легализовалась, и очень многие из нее работали преподавателями в ВУЗах и других учебных заведениях. В целях конспирации я считала целесообразным установить

⁸⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 38. 58

⁹⁰ Подчеркнуто. Правильно — «Гамарой Ивановной».

связь в первую очередь с меньшевиками среди рабочих, которые как меньшевики сумели сохранить себя. Таким образом, по моей просьбе Кузнецова познакомила меня с одной старой наборщицей-меньшевичкой, долгое время работавшей в типографии быв[шей] Сытина. Фамилии этой наборщицы не помню, она живет вблизи Смоленского рынка. Впоследствии я часто посещала квартиру этой наборщицы. Она организовывала встречи других рабочих со мной. [...] Из числа посещавших квартиру наборщицы я помню только печатника Яковлева и наборщика Иванова. Чаще всего посетителями являлись женщины — работницы типографии или же жены рабочих типографий «Правды» и «Известия». [...] Наряду с распространением через печатников газеты «Социалистический вестник», я распространяла таким же путем печатные листовки, касающиеся избирательной системы в СССР и т. н. «письмо ЦК РСДРП », определяющее отношении низовых меньшевистских организаций к выборам в профсоюзные органы. [...] В них пропагандировалась необходимость замены существовавшей в тот период советской избирательной системы. Кроме того, пропагандировался меньшевистский взгляд о необходимости замены советского строя — буржуазно-демократической республикой. Этот листок был рассчитан на массовое распространение.

Что же касается письма ЦК, то оно давало установку в целях сохранения кадров меньшевистских организаций не выставлять своих кандидатов на видные посты в фабзавкомы, а

поддерживать выдвижение кандидатур из числа сочувствующих — беспартийных. В этом была определенная цель. Заграничная делегация, указывая на необходимость теснейшей связи меньшевистских организаций с беспартийной рабочей массой, рекомендовала разъяснить рабочим отсутствие якобы настоящей демократической свободы выборов, наличие назначенчества и т. д.»⁹¹

Ева Бройдо пыталась выяснить, что происходит в рабочей среде, и поехала в Нижний Новгород:

«По приезде в Советский Союз я в первую очередь заехала в Москву и связалась с Кузнецовой, которая подробно ориентировала меня о наличии существовавших меньшевистских ячеек, дала мне их явочные адреса, в через некоторое время, получив паспорт на имя Высоцкой, я съездила в Горький, Харьков и Баку, где связалась с меньшевистскими ячейками. [...] — В Горьком я встретила со своим старым знакомым меньшевиком Гурловым Андреем Иосифовичем. В беседе с ним он мне сообщил об отсутствии меньшевистских ячеек в Горьком»⁹². «Непосредственно из Москвы я выехала в Сормово, где по полученному адресу от Кузнецовой мне надо было встретиться с рабочим — старым меньшевиком Бурлаковым. Бурлаков сообщил мне, что среди сормовских рабочих сохранились прежние меньшевистские кадры, но они поредели, т. к. месяца за два до моего прибытия произошел провал организации и многих арестовали. [...] Оставшимся

⁹¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 66-67.

⁹² Там же. Л. 69.

на воле пришлось строжайше законспирировать. Сохранившаяся организация разбилась на пятерки, каждая пятерка сносилась между собой через выделенных уполномоченных и остальные участники группы не могли знать персонального состава других групп. В Сормово я пробыла одни сутки, Бурлакову дала указания об активизации подпольной меньшевистской работы и выехала в Харьков»⁹³.

Следующей была поездка в Харьков в январе 1928 года:

«В Харькове я установила наличие одной меньшевистской ячейки в числе 4-х человек, личности мне не знакомые, я их нашла по адресу, данному Кузнецовой»⁹⁴. «По договоренности с Кузнецовой, я должна была встретиться с одним из руководителей существовавшего там «Украинского комитета меньшевиков» — Николаем Ивановичем, фамилии его не знаю, которого обещалась предупредить Кузнецова о моем выезде. Таким образом, по приезду в Харьков, это было в начале января 1928 года, я остановилась в гостинице. И вечером того же дня ко мне явился Николай Иванович. С ним было трое рабочих, один, как мне помнится, был Голуб. Не знаю только, была ли то настоящая фамилия, или кличка. [...]

С меньшевиком Шайтаном, работавшим в то время в Совнархозе Украины с указанным выше Николаем Ивановичем. Встреча с ним и с другим происходила на квартире Шайтана в дом профсовета... — Шайтан был

⁹³ Там же.

⁹⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14 073. Л. 39-40.

в Москве на каком-то совещании при Госплане. Об этом знала Берта Владимировна и когда Шайтан в Москве не был, она сообщила мне, что он в бытность свою в Москве устанавливал связь с меньшевиками в Москве, хотел встретиться со мной и убедительно просил побывать в Харькове, где он проводит большую меньшевистскую работу. Перспективы работы меня заинтересовали, и я, выяснив через БERTУ Владимировну точный адрес Шайтана, выезжала в Харьков.

. Николай Иванович устроил мне встречу с киевским портным, родственником жены того Голуба, с которым я встречалась при первой поездке в Харьков. Фамилии этого портного я не помню.

По настойчивому его приглашению я выезжала в Киев. В Киеве он устроил нелегальное собрание в числе 7-ми человек служащих, сочувствующих меньшевикам, на котором я сделала информацию о состоянии меньшевистской работы, ориентировала присутствующих на необходимость активной борьбы против большевиков и дала указание

о широком распространении «Социалистического вестника» _____ —

С Шайтаном я провела продолжительную беседу, в процессе которой речь шла о том, чтобы как можно эффективнее организовать нелегальную меньшевистскую работу и обеспечить широкое распространение «Социалистического вестника». — Шайтан, работая в ВСНХ Украины, был близко связан с вопросами труда: зарплаты, снабжения, культурного обслуживания рабочих и² т. д. Поэтому он располагал

необходимыми материалами, которые очень интересовали бюро Заграничной делегации и редакцию «Социалистического вестника», и мы разработали с ним целую серию корреспонденций, которую он должен был дать для пересылки в Берлин. Дополнительно к этому я договорилась с Шайтаном о том, что он приготовит конспект следующих работ: о положении рабочих в текстильной промышленности (материал у него уже был готов), о положении рабочих в тяжелой промышленности и о положении рабочих в угольной промышленности Донбасса. В данном случае я преследовала цель — подготовить материал к очередному съезду II-го Интерна-

ционала, который должен был состояться в конце 1928 года. На этом съезде Заграничная делегация должна была сделать доклад о «Положении рабочего класса в СССР», и собираемые мною материалы могли внести ценный вклад в работу съезда»⁹⁵.

Арестовали Бройдо, как мы помним, в Баку, до этого она успела написать товарищам в Берлин:

«До апреля месяца 1928 года, т. е. до момента ареста я успела через Кузнецову послать Дану три письма, в одном из них я предлагала «Заграничной делегации», чтобы обсудили вопрос о создании в крупнейших центрах Союза, сети меньшевистских агентов, которые бы обслуживали «Социалистический вестник» (орган ЗД РСДРП (м)). Как этот вопрос был решен, мне неизвестно, т. к. я вскоре была арестована. Кроме того, в своих письмах

⁹⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 69-71.

сообщила Дану сведения о политических настроениях населения, о новостройках и вообще, об изменениях»⁹⁶. «Из СССР в 1927 году я послала три корреспонденции берлинскому корреспонденту газеты «Манчестер-Гардиан» Войту. Содержание корреспонденций было следующим: Об уличной жизни в Москве. Это были впечатления о московской жизни. О художественной выставке в Москве и просто путевые впечатления, вынесенные мной за время моих поездок в Сормово, Горький и Харьков»⁹⁷
⁹⁸

Писала она известному либеральному журналисту Шефферу: *«Более или менее исчерпывающую информацию, которая предназначалась также и для Шеффера я послала 3 раза 1) о своих московских впечатлениях послана мною в конце ноября или начале декабря [19]27 года, 2) после моей поездки в Сормово в январе 1928 года и 3) после первой поездки в Харьков в конце февраля 1928 года. Кроме этого, я несколько раз писала краткие письма о внутрипартийных своих делах делегации»*¹⁰¹. Высланный из СССР за то, что писал правду о сталинском режиме, Пауль Шеффер рассчитывал на получение неподцензурных материалов из СССР. Шеффер был антигитлеровцем: хотя в начале 1930-х годов французы подозревали его в сотрудничестве с германской разведкой, уже в середине 1930-х годов гестапо его объявило в розыск за антинацистское сотрудничество с Францией. Он в это время уже обосновался в США.

⁹⁶ Там же. Л. 40.

⁹⁷ Там же. Л. 81.

⁹⁸ Там же. Л. 139.

Все эти показания были даны на следствии в Москве в 1938 г. для несостоявшегося открытого процесса меньшевиков-эсеров. На предложение Н. И. Ежова его провести Сталин сделал надпись: «В архив». Практически все его потенциальные участники были в основном расстреляны. В 1937-1938 гг. было убито 97-98% социалистов, подсчитал Д. Б. Павлов⁹⁹.

Следственные материалы за 30-е гг. по делу Е. Л. Бройдо наполнены очевидными выдумками о совместной работе меньшевиков с троцкистами. По окончании следствия она 14 декабря 1938 г. написала: «С 1928 г. я, Бройдо, никакой антисоветской работой не занималась, а данные мной показания были вызваны моим тяжким физическим состоянием»¹⁰⁰. 21 марта 1939 года Военный трибунал Московского Военного округа оформил Е. Л. Бройдо предрешенный следователем приговор: 20 лет тюрьмы¹⁰¹. В октябре 1941 года она была убитая во время бессудного расстрела узников Орловской тюрьмы.

Какие же выводы можно сделать сегодня, через 87 лет после сфабрикованного ОГПУ дела «Союзного бюро меньшевиков» и в дни 80-летия Большого террора? Я бы поставил под сомнение выводы исследователей начала 1990-х гг. о разгроме всех небольшевистских: социалистических партий уже в 1922-1923 гг. Безусловно, большинство известных лидеров были арестованы, заключены в тюрьмы, политизоляторы или высланы. Но бюро ПСР в

⁹⁹ Д. Б. Павлов. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917 — середина 1950-х годов». М., 1999. С. 99.

¹⁰⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 78. 65

¹⁰¹ Там же. Л. 192.

Ленинграде во главе с Колосовым, получавшее литературу через Финляндию, было разгромлено только в 1925 году¹⁰². Русское бюро РСДРП (м) работало в 1924-1926 гг. Подпольная организация Т. Н. Кузнецовой, имевшая постоянную связь с ЗД РСДРП (м), была выявлена только в 1929 году.

Поездка Е. Л. Бройдо по России и Украине в 1928 г. показывает, что небольшие группы рабочих социал-демократов были в Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде (Сормово). В других показаниях Бройдо сообщает о встречах в 1927-1928 годах со следующими меньшевиками:

«В Москве: Воронин (имя не помню), работал тогда в какой-то типографии, Кузнецова Тамара, с которой я связалась, некто Берта Владимировна, проживала нелегально, Кунин, имя не помню, работал где-то на заводе, Колокольников, читал лекции в кооперативном ин[ститу]те, знала еще одну наборщицу, но имени и фамилию не помню. В Сормово я встретила с Георгием Бурлаковым. В Харькове некий Николай Иванович, где работал не знаю, по специальности экономист; рабочий Голуб и еще два рабочих, фамилии которых не помню. В Киеве я встретила племянника указанного Голуба (фамилию не помню), одного старика Давидзон и еще встречалась с четырьмя рабочими, фамилии которых не помню. В Баку я встречалась с меньшевиками Яковом Рогачевским, Гольденбергом

¹⁰² М. Соколов. Провал ЦБ эсеров в Ленинграде // Родина. 2012. № 7. С. 130-134.

и Леонидом Ратнером»¹⁰³.

Фабрикация дела т. н. «Союзного бюро» в 1931 г. была связана с тем, что сохранялась определенная связь личного характера между идейными меньшевиками и теми, кто вошел в околоревизионскую элиту. Ева Бройдо встретилась с профессором П. Н. Колокольниковым¹⁰⁴, с социал-демократами: в Москве это Воронин, А. Л. Кунин¹⁰⁵, в Киеве — Давидзон¹⁰⁶.

Фрондирующий советский чиновник Н. Н. Суханов до своего ареста не сдавал явного «нелегала» М. Н. Броунштейна-Валериянова, а вел с ним беседы о политике. Возможно, что во время отпуска и поездки по Волге Н. Н. Суханов встречался со ссыльным меньшевиком С. Ежовым (Цедербаумом) в мае 1930 г. в Саратове¹⁰⁷.

Более того, в 1920-е годы ряд видных меньшевиков

¹⁰³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 82.

¹⁰⁴ Колокольников Павел Николаевич (1871-8.2.1938, Москва). Член РСДРП с 1894 г. Основатель профсоюзного движения. Во Временном правительстве в 1917 был товарищем министра труда. Член ЦК РСДРП (м). Работал в Истпрофе ВЦСПС, был профессором в вузах Москвы. Арестован в 1930 в Москве. Выслан в Восточную Сибирь. В середине 1930-х профессор кафедры статистики Восточно-Сибирского института советской торговли. Арестован 13 апреля 1937 УНКВД Восточно-Сибирской области. Вывезен в Москву. 8 февраля 1938 Коллегией ВС СССР приговорен к ВМН. Расстрелян 8 февраля 1938 в Москве. Реабилитирован в 1991.

¹⁰⁵ Кунин Абрам Львович (1891-1977, Новосибирск). Секретарь ЦК РСДРП Украины. Арестован 27 октября 1921 в Харькове. 4 апреля 1922 отправлен в ссылку в Коканд. В 1922 совершил побег из ссылки. В марте 1922 находился в заключении в Харьковской тюрьме. 23 ноября 1923 отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В ноябре 1925 переведен в Тобольский политизолятор. Получил 3 года ссылки. Арестован в июле 1930 в Москве, в 1930 г. сослан на 3 года в Братск. Арестован в 1937 г. и приговорен к заключению в лагере. В конце 1940-х сослан на «вечное поселение». После освобождения в середине 1950-х жил в Новосибирске.

¹⁰⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 82.

¹⁰⁷ ЦА ФСБ РФ Д. Р-45146. Л. 16-17.

сохранял нормальные отношения с крупными деятелями партии большевиков. Ева Бройдо, например, говорит о том, что контакты с Рыковым, Томским и другими «правыми» — членами ЦК ВКП (б) поддерживал меньшевик, историк Борис Николаевский: «Николаевский встречался с Томским в 1926 г. во время проезда последнего через Берлин. Встреча с Рыковым у Николаевского состоялась первый раз также в этом же году и вторично в 1927 году, во время приезда Рыкова на лечение в Германию. [...] Весной 1927 года приезжавший в Берлин на лечение Рыков также встречался с Николаевским. [...] Рыков информировал Николаевского о якобы тяжелом положении в Советском Союзе»¹⁰⁸.

Эти показания нуждаются в дополнительной проверке, но, в принципе, не противоречат тому, что мы знаем о встречах Николаевского с Бухариным в Париже и в худшее время — в 1936 г. Брат Николаевского Владимир был женат на сестре А. И. Рыкова, и Рыков и в 1936 г. через Бухарина передавал ему привет¹⁰⁹.

Не исключены и другие контакты, на которые указывает Е. Л. Бройдо:

«Бюро Заграничной делегации, так и редакция “Социалистический вестник” сравнительно часто пользовались услугами Рязанова, бывшего директора института марксизма-ленинизма в Москве. Рязанов был в заграничных командировках в Берлине и

¹¹ ЦА ФСБ РФ Д. Н-14073. Л. 60-61.

¹² Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 54. Интервью с Б. Н. Николаевским.

всегда встречался с членом заграничной делегации Николаевским. В 1926-27 гг. я помню, заграничная делегация пользовалась услугами Гинзбурга Абрама Моисеевича, приезжавшего в Берлин в командировку по линии ВСНХ. В том же году члены заграничной делегации встречались с врачом Маркус, приезжавшим из Москвы, затем с Сухановым (осужден по процессу над ЦК меньшевиков), приезжавшим из Москвы для работы в редакции журнала «Экономическое обозрение», издававшегося Берлинским торгпредством СССР. Наиболее постоянная связь осуществлялась через сотрудников «Советского информационного бюро» в Берлине — Лапинского и Жана Львовича Альтер, с которыми я лично, а также Дан и Абрамович находились в личных дружеских отношениях. Таким образом, заграничная делегация меньшевиков имела большие возможности связи с меньшевиками, проживавшими в СССР»¹¹⁰.

Меньшевики рассчитывали на раскол ВКП (б), как отмечает Е. Л. Бройдо:

«Внутриполитическое положение в Советском Союзе к 1927 году нами характеризовалось как очень сложное и напряженное. Мы считали, что: коммунистическая партия, сделав резкий поворот в сторону ликвидации НЭП'а, не обеспечила развития мелкой индустрии, которая могла бы удовлетворить запросы населения товарами широкого потребления; пуск в эксплуатацию гигантов индустрии, разработка плана первой пятилетки, — по нашему мнению не имели под собой не только экономической базы, но и

¹¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 56.

людей, которые могли бы освоить эти гиганты, т. к. в этот момент внутри ВКП (б) развертывалась внутривнутрипартийная дискуссия. Мы считали, что эта дискуссия перерастет в более острые формы борьбы и, как мы полагали, должна будет закончиться образованием двух партий»¹¹¹.

Судя по показаниям, и меньшевики, и формально вышедшие из партии левые интеллектуалы оставались на позициях социал-демократии западного типа, общались между собой, пытались вести теоретическую работу. В СССР сохранялась среда социал-демократического мышления, способная в случае «оттепели» в СССР возродить РСДРП (м), а при ее отсутствии передать свой политический опыт молодежи. Такой же была обстановка и в среде эсе

¹¹¹ [Содержание]
Там же. Л. 59.

ров, судя по Ташкентскому делу членов ПСР 1930-1931 гг. о разработке новой партийной программы¹¹².

Из показаний Бройдо о периоде 1931-1937 гг. видно, что в ссылке эсеры и социал-демократы поддерживали дружеские связи, оказывали друг другу помощь, даже зная, что за это могут подвергнуться новым репрессиям, и находили поддержку в обществе¹¹³. В случае ослабления диктатуры эти люди, как и в марте 1917 г., могли создать центры кристаллизации политического плюрализма. Предположу, что именно страх передачи политической эстафеты социалистов новому поколению и был истинной причиной решения Сталина о поголовном уничтожении всех бывших активных членов партий меньшевиков и эсеров в 1937-1938 гг. во время Большой чистки.

После Большого террора, как отмечает со ссылкой на документы МВД СССР историк Д. Б. Павлов, к концу 1953 г. в особых тюрьмах и лагерях из 94,7 тысячи заключенных «троцкистов, «правых», меньшевиков и эсеров осталось менее 2 тыс.»¹¹⁴ Сталинский период из героев этой публикации пережили трое: амнистированный в 1953 г. В. К. Иков (1882-1956), Б. О. Богданов (1885-1960), вернувшийся в Москву из ГУЛАГа в 1957 г., и А. Л. Кунин (1891-1977).

¹⁵ Соколов М. В. Дело «Реставрация». Ташкентская (1930 г.) платформа Партии социалистов-революционеров // Российская история. 2012. № 4. С. 146-164.

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-14073. Л. 141-150.

¹⁷ Д. Б. Павлов. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999. С. 100 (Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 128, 4).